

Научный журнал «Полиматис» Polymathis Scientific Journal

электронное периодическое политематическое научное издание

№ 5, август 2017
No. 5, August 2017

Учредитель: ООО Международное объединение «Полиматис»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский, проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@polymathis.ru

© ООО Международное объединение «Полиматис», 2017

Состав редакции журнала

Главный редактор:

Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:

Данилова Марина Ивановна, д-р филос. наук, профессор ВАК

Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор

Таразевич Елена Васильевна, д-р с.-х. наук, канд. биол. наук, профессор

Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, доцент ВАК

Сапфорова Аполлинаруя Александровна, д-р юрид. наук, доцент

Тюпаков Константин Эдуардович, канд. экон. наук, профессор

Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент ВАК

Глушко Ольга Александровна, канд. юрид. наук, доцент

Гущина Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент

Кобылинская Светлана Викторовна, канд. юрид. наук, доцент

Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент

Очаковский Виктор Александрович, канд. юрид. наук, доцент

Руденко Евгения Юрьевна, канд. юрид. наук

Помощник главного редактора:

Усенко Анатолий Сергеевич

Редактор-переводчик:

Котяра Дмитрий Флорентиевич

Editorial Staff

Editor-in-Chief:

Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:

Danilova Marina Ivanovna, Doctor of Philosophy, VAK professor

Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor

Tarazevich Yelena Vasilyevna, Doctor of Agricultural Sciences, Candidate of Biology, professor

Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, VAK assistant professor

Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor

Tyupakov Konstantin Eduardovich, Candidate of Economics, professor

Yenikeyev Anatoliy Anatolyevich, Candidate of Philosophy, VAK assistant professor

Glushko Olga Aleksandrovna, Candidate of Law, assistant professor

Gushchina Lyudmila Ivanovna, Candidate of History, assistant professor

Kobylinkaya Svetlana Viktorovna, Candidate of Law, assistant professor

Kondratyeva Tatyana Sergeevna, Candidate of Philology, assistant professor

Ochakovskiy Viktor Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor

Rudenko Yevgeniya Yuryevna, Candidate of Law

Assistant Editor-in-Chief:

Usenko Anatoliy Sergeevich

Editor/Translator:

Kotyara Dmitriy Florentiyevich

Содержание

Баштовой Д. А.

Совершенствование правового регулирования сделок с земельными участками сельскохозяйственного назначения (стр. 8–11)

Волкова Ю. В.

Коммерческое представительство в гражданском праве: актуальные проблемы правового регулирования (стр. 12–14)

Гуцина Л. И., Лыгина Ю. В., Шилов М. В.

К вопросу о правовой природе независимой гарантии (стр. 15–19)

Дижичкин В. О.

Презумпция вины причинителя вреда (стр. 20–23)

Каунов А. М.

Правовые вопросы соотношения предпринимательской деятельности с деятельностью, приносящей доход (стр. 24–29)

Колесникова В. А., Шульга О. А., Уджуху А. Г.

Формирование тактики следственных действий в системе криминалистики (стр. 30–36)

Лукьянов Д. А.

Правовое регулирование порядка приема на работу иностранных граждан в Российской Федерации (стр. 37–41)

Павлов В. В.

Исключение участников из общества с ограниченной ответственностью как мера ответственности в корпоративных отношениях (стр. 42–46)

Подлесный А. А.

К вопросу об определении правового режима сложных объектов интеллектуальной собственности на примере театрально-зрительного представления (стр. 47–51)

Савельев А. Э., Шаповалов А. В.

Асимметрия в структуре российского федерализма (стр. 52–55)

Сапфирова А. А., Шутъко Д. Д.

Проблемы правового регулирования труда иностранных граждан в Российской Федерации (стр. 56–62)

Фруслов Д. Г.

Анализ понятий «лицензия» и «лицензионный договор» в гражданском праве (стр. 63–68)

Usenko A. S., Baturyan M. A.

A Comparative Analysis of the Provisions of the Corporate Contract in Russia and Foreign Legal Systems (стр. 69–75)

Богдасарова Т. И.

Агробизнес в условиях глобальной экономики (стр. 76–80)

Бочарова Е. А., Саенко И. И.

Совершенствование системы мотивации в ООО «Джумайловское» (стр. 81–90)

Климова Н. В., Трубачева Е. А.

Инвестиционная активность Краснодарского края на основе внедрения инноваций в агропроизводстве (стр. 91–108)

Котьяра Дм. Фл.

Фонетический принцип французско-русской практической транскрипции (стр. 109–115)

Пул Т.

Великобритания: королевская прерогатива (стр. 116–132)

Перевод: Григоращенко И. В.

Table of Contents

Bashtovoy D. A.

Improvement of Legal Regulation of Agricultural Land Deals (pp. 8–11)

Volkova Yu. V.

Commercial Representation in the Civil Law: Current Problems of Legal Regulation (pp. 12–14)

Gushchina L. I., Lygina Yu. V., Shilov M. V.

On the Issue of Legal Nature of the Independent Guarantee (pp. 15–19)

Dizhichkin V. O.

Presumption of the Tortfeasor's Guilt (pp. 20–23)

Kaunov A. M.

Legal Issues of Correlation Between Business Activity and Profit-Making Activity (pp. 24–29)

Kolesnikova V. A., Shulga O. A., Udzhukhu A. G.

Development of Investigative Tactics in the System of Criminalistics (pp. 30–36)

Lukyanov D. A.

Legal Regulation of Employment of Foreign Citizens in the Russian Federation (pp. 37–41)

Pavlov V. V.

Expulsion from a Limited Liability Company as a Liability in Corporate Relations (pp. 42–46)

Podlesnyy A. A.

On the Issue of Defining a Legal Regime of Complex Intellectual Property Objects by an Example of a Theatrical and Entertainment Performance (pp. 47–51)

Savel'yev A. E., Shapovalov A. V.

Asymmetry in the System of Russian Federalism (pp. 52–55)

Sapfirova A. A., Shutko D. D.

The Issues of Legal Regulation of Foreign Citizens' Labour in the Russian Federation (pp. 56–62)

Fruslov D. G.

Analysis of the Notions of License and License Agreement in the Civil Law (pp. 63–68)

Usenko A. S., Baturyan M. A.

A Comparative Analysis of the Provisions of the Corporate Contract in Russia and Foreign Legal Systems (pp. 69–75)

Bogdasarova T. I.

Agribusiness Under Global Economy (pp. 76–80)

Bocharova Ye. A., Sayenko I. I.

Improvement of the Incentive System of Dzhumaylovskoye (pp. 81–90)

Klimova N. V., Trubacheva Ye. A.

Investment Activity of Krasnodar Region Based on Implementation of Innovations in Agricultural Production (pp. 91–108)

Kotyara D. F.

Phonetic Principle of French-Russian Orthographic Transcription (pp. 109–115)

Poole T.

United Kingdom: the Royal Prerogative (pp. 116–132)

Translated by Grigorashchenko I. V.

УДК/UDC 349.4

Совершенствование правового регулирования сделок с земельными участками сельскохозяйственного назначения

Баштовой Даниил Александрович

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: bashtik-2010@yandex.ru

Аннотация

Правовое регулирование сделок с земельными участками сельскохозяйственного назначения представляет собой интерес в теоретическом и практическом смысле. В сфере гражданско-правового регулирования сделок с земельными участками сельскохозяйственного назначения существует ряд определенных особенностей, отличающих такие сделки от других юридических фактов, направленных на установление, изменение или прекращения вещных прав и зависящих от специфики самого земельного участка. Автор приходит к выводу о комплексности правового регулирования сделок с земельными участками сельскохозяйственного назначения, так как земельный участок является объектом гражданских прав и одновременно выступает объектом природного (естественного) происхождения. По мнению автора, земельный участок не является полноценным объектом гражданского оборота в силу того, что он имеет двойственный характер. Поднимается вопрос о совершенствовании действующего гражданского и земельного законодательства в части регулирования таких сделок. Учитывая важность и социальную значимость правового регулирования сделок с земельными участками сельскохозяйственного назначения, изучение характерных для нее юридических фактов уже давно стоит на повестке дня.

Ключевые слова: сделка, земельные участки сельскохозяйственного назначения, правовое регулирование, гражданское право.

Improvement of Legal Regulation of Agricultural Land Deals

Bashtovoy Daniil Aleksandrovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: bashtik-2010@yandex.ru

Abstract

Legal regulation of agricultural land deals is of interest in the theoretical and practical understanding. In the area of civil law regulation of such deals, there is a number of certain features which differ such deals from the other jural facts aimed at establishing, changing, or termination of real rights and depending on the specifics of the land itself. The author comes to the conclusion about the complexity of legal regulation of agricultural land deals because a strip of land is an object of the civil rights and, at the same time, is an object of natural origin. In the author's opinion, a strip of land is not a full value object of civil turnover due to its dual character. The author raises a question on how to improve the modern civil and land law as regards regulation of these deals. Given the importance and social significance of legal regulation of agricultural land deals, studying of its typical jural facts is on the agenda for a long time.

Key words: deal, agricultural lands, legal regulation, civil law.

В настоящее время в сфере гражданско-правового регулирования сделок (купля-продажа, мена, дарение, аренда, залог и др.) с земельными участками сельскохозяйственного назначения существует ряд определенных особенностей, отличающих такие сделки от других юридических фактов, направленных на установление, изменение или прекращение вещных прав и зависящих от специфики самого земельного участка.

Переход Российской Федерации к рыночной форме экономики [1], ликвидация исключительной государственной собственности на землю и успешное проведение земельной реформы [2] обусловили появление института частной собственности.

Одним из оснований приобретения права собственности на землю

является сделка, т. е. действие граждан и юридических лиц, направленных на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (ст. 153 Гражданского кодекса РФ) [3].

Посредством сделок, содержанием которых является индивидуально-определенные земельные участки, в том числе земельные участки сельскохозяйственного назначения, и дальнейшей регистрации права собственности происходит вовлечение данных участков в гражданский оборот.

Однако ввиду комплексности земельного участка как объекта гражданского права и земельного права [4] следует заострить внимание на особенности правового регулирования сделок с земельными участками сельскохозяйственного назначения.

Принципиальное различие в правовом регулировании порядка осуществления гражданско-правовых сделок с недвижимостью и порядка совершения сделок с земельными участками сельскохозяйственного назначения заключается в социальной значимости земли, на которой располагается земельный участок.

В соответствии со ст. 77 Земельного кодекса РФ [5] землями сельскохозяйственного назначения признаются земли, находящиеся за границами населенного пункта и представленные для нужд сельского хозяйства и для этих целей.

При этом в ЗК РФ содержится ряд норм, регулирующих общие начала оборота земельных участков сельскохозяйственного назначения и практически не затрагивающих правовое регулирование договоров (сделок), предметом которых является земельный участок сельскохозяйственного назначения.

На наш взгляд, сделки с землей следует выделить в отдельный правовой институт, так как это вытекает из значения земли как природного комплекса, и лишь во вторую очередь она является объектом гражданских прав.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, следует сделать следующие выводы:

- 1) во-первых, земельный участок является объектом гражданских прав и одновременно выступает объектом природного (естественного) происхождения, т. е. имеет двойственный характер. Отсюда следует, что правовое регулирование сделок с земельными участками имеет комплексный характер (земельное право и гражданское право);
- 2) во-вторых, следует серьезно доработать действующее гражданское и земельное законодательство в части правового регулирования сделок с земельными участками (земельными долями) сельскохозяйственного назначения.

Учитывая важность и социальную значимость указанной тематики, изучение характерных для нее юридических фактов уже давно стоит на повестке дня.

Список литературы

1. Руденко Е. Ю. Усенко А. С. Понятие и правовое регулирование электронной торговли // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 111. С. 708–720.
2. О реализации конституционных прав граждан на землю: Указ Президента РФ от 07.03.1996 № 337 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 11. Ст. 1026.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Усманова Л. Ф. Совершенствование правового регулирования сделок с земельными участками сельскохозяйственного назначения // Вестник тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. № 3. С. 97–108.
5. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 № 13-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.

УДК/UDC 347

Коммерческое представительство в гражданском праве: актуальные проблемы правового регулирувания

Волкова Юлия Витальевна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются главные проблемы гражданско-правового регулирования коммерческого представительства, определяется его понятие и признаки. По мнению автора, коммерческое представительство является разновидностью добровольного общегражданского представительства, возникающей из договора, которой присущи общие родовые признаки представительства, а также определяемые спецификой коммерческой деятельности видовые признаки.

Ключевые слова: коммерческое представительство, предпринимательская деятельность.

Commercial Representation in the Civil Law: Current Problems of Legal Regulation

Volkova Yuliya Vitalyevna

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

Abstract

The article analyses the main issues of civil and law regulation of the commercial representation and defines its notion and features. In the author's opinion, the commercial representation is a kind of voluntary general civil representation which arises from the

contract and which has common generic attributes of representation, as well as specific characteristics determined by the specifics of commercial activity.

Key words: commercial representation, business activity.

На сегодняшний день предпринимательская деятельность занимает первостепенное место в достижении государством экономического успеха. Как справедливо отмечают в своей работе Г. Г. Кишов и М. А. Магомедов, для улучшения качества развития сети продаж товаров, оказания услуг и выполнения работ необходим учитывающий задачи предпринимательства и целенаправленно сформированный правовой институт представительства предпринимателей (коммерческого представительства) [1]. Коммерческое представительство является неотъемлемой частью экономики, ее компонентом. Однако законодатель не относит представительство в качестве вида предпринимательской деятельности.

К сожалению, действующее гражданское законодательство в ст. 184 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] содержит в себе лишь одну норму, посвященную коммерческому представительству, которая не выполняет функцию универсального договора представительства в предпринимательской деятельности.

Так, в соответствии с п.1 ст. 184 ГК РФ коммерческим представителем является лицо, которое постоянно и самостоятельно представляет от имени предпринимателей при заключении ими договоров в сфере предпринимательской деятельности.

В п. 2 данной статьи говорится о возможности одновременного коммерческого представительства разных сторон в сделке при условии их согласия.

Как видно из положений ст. 184 ГК РФ коммерческое представительство не рассматривается в качестве самостоятельного договора, а лишь в качестве особой конструкции.

По мнению А. В. Гришина, основанием возникновения коммерческого представительства являются, как правило, другие гражданско-

правовые договоры: агентский договор, договор поручения и договор комиссии. Также коммерческое представительство может возникнуть из доверенности [3].

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что коммерческое представительство является разновидностью добровольного общегражданского представительства возникающей из договора, которой присущи общие родовые признаки представительства, а также определяемые спецификой коммерческой деятельности видовые признаки.

Также требует более детальной доработке ст. 184 ГК РФ, которую следует расширить в части полномочий коммерческого представителя.

Список литературы

1. Кишов Г. Г., Магомедов М. А. Некоторые проблемы правового регулирования коммерческого представительства // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 3 № 1. С. 158–160.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гришин А. В. Некоторые аспекты защиты интересов коммерческого представительства // Наука и практика. 2015. № 2.

УДК/UDC 347.1

К вопросу о правовой природе независимой гарантии

Гущина Людмила Ивановна

редактор научного журнала «Полимагис»

кандидат исторических наук, доцент ВАК, доцент кафедры теории и истории
государства и права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

Лыгина Юлия Владимировна

магистрант юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

e-mail: palmetta-lg2216@yandex.ru

Шилов Максим Вячеславович

аспирант

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с основанием возникновения независимой гарантии и отсутствием акцессорности, что означает, в частности, что гарантия не прекращается с прекращением основного обязательства. Особое внимание уделяется вопросу о правовой природе обязательственного правоотношения, которое представляет собой независимая гарантия.

Ключевые слова: независимая гарантия, односторонняя сделка, одностороннее обязательство, гарант, бенефициар, принципал, выдача независимой гарантии, способы обеспечения исполнения обязательств.

On the Issue of Legal Nature of the Independent Guarantee

Gushchina Lyudmila Ivanovna

editor of Polymathis Scientific Journal

Candidate of History, VAK assistant professor, assistant professor of the Department of Theory and History of State and Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

Lygina Yuliya Vladimirovna

student in the master's programme of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: palmetta-lg2216@yandex.ru

Shilov Maksim Vyacheslavovich

postgraduate student

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

Abstract

The authors consider the issues connected with the reason for emergence of an independent guarantee and the absence of accessory nature which means, particularly, that the guarantee does not cease with the ceasing the primary obligation.

Key words: independent guarantee, unilateral deal, unilateral obligation, beneficiary, principal, issue of an independent guarantee, the ways of ensuring the discharge of obligations.

Учитывая положения закона (п. 1 ст. 368 Гражданского кодекса РФ) о том, что по независимой гарантии гарант принимает на себя по просьбе другого лица обязательство уплатить третьему лицу (кредитору по основному обязательству) определенную денежную сумму, а также исходя из содержания п. 1 ст. 370 ГК РФ о том, что независимой гарантией предусматривается обязательство гаранта перед кредитором по основно-

му обязательству уплатить ему определенную денежную сумму, можно охарактеризовать независимую гарантию как обязательственное правоотношение. При этом следует отметить, что независимая гарантия — это одностороннее обязательство, так как гарант имеет обязанность, выступая в роли должника, а у бенефициара (кредитора по основному обязательству) возникает право требования, что подтверждается, например, положениями п. 1 ст. 372 ГК РФ о том, что бенефициар по независимой гарантии не имеет право передавать другому лицу свое право требования к гаранту, и другими положениями § 6 главы 23 ГК РФ. Вышеуказанное одностороннее обязательство возникает на основании односторонней сделки, которая создает обязанности для гаранта и одновременно порождает право требования у бенефициара-кредитора.

Мы полностью согласны с мнением В. С. Ема, который отмечал, что, во-первых, выдача банковской гарантии — это односторонняя сделка, поскольку для ее совершения достаточно волеизъявления одной стороны — гаранта; во-вторых, выдача банковской гарантии юридически связывает гаранта возможностью предъявления бенефициаром требования исполнения обязательства, вытекающего из нее [1, с. 102–103]. В юридической литературе имеются и другие мнения об основании возникновения независимой гарантии. Так, некоторые авторы утверждают, что к гарантийному обязательству допустимо применять определение «односторонний» только относительно порядка выдачи гарантии, характера совершения данной сделки [2]. Что касается других способов обеспечения исполнения обязательства, то, например, залог представляет собой взаимное (двустороннее) обязательство, основанием возникновения которого является договор залога [3].

Учитывая то обстоятельство, что законодатель включил независимую гарантию в главу 23 ГК РФ и отнес ее, таким образом, к способам обеспечения исполнения обязательств, можно говорить о связи независимой гарантии с основным обязательством, следовательно, о признании за ней обеспечительной функции как ее неотъемлемого признака. Однако представляется совершенно правильным мнение В. С. Ема, который

считает, что главным юридическим признаком банковской гарантии как обеспечительной сделки является ее независимость от основного обязательства, в обеспечение исполнения которого она выдается (ст. 370 ГК РФ), то есть отсутствие акцессорности [1, с. 103].

Следует отметить, что изменения, внесенные в § 6 главы 23 ГК РФ не только подтвердили, но и еще более усилили законодательно независимость гарантии от основного обязательства, в обеспечение исполнения которого она выдана [4]. Это подтверждается положениями, установленными ст.ст. 370, 376 ГК РФ. Необходимо обратить внимание и на следующие обстоятельства. Ранее принцип независимости обязательства гаранта перед бенефициаром от основного обязательства проявлялся в том, что основаниями к отказу в удовлетворении требований бенефициара могли служить исключительно обстоятельства, связанные с несоблюдением условий самой гарантии, не имеющие отношения к основному обязательству, а что касалось иных обстоятельств, относящихся к основному обязательству, например свидетельствующих о его исполнении должником, то они не могли служить основанием к освобождению гаранта от исполнения обязательства, возникающего на основании банковской гарантии. Новая редакция ст. 376 ГК РФ устанавливает право гаранта приостановить платеж, если он имеет разумные основания полагать, что основное обязательство должника, обеспеченное независимой гарантией, недействительно или исполнение по основному обязательству должника принято кредитором без каких-либо возражений, то есть некоторые обстоятельства, относящиеся к основному обязательству (они указаны выше), могут служить основанием только для приостановления платежа, но не для отказа гаранта удовлетворить требования бенефициара. При этом законодатель совершенно определенно указывает на обязанность гаранта произвести платеж по гарантии, если отсутствуют основания для отказа в удовлетворении требований бенефициара. Основания, о которых идет речь, исчерпывающим перечнем установлены в п. 1 ст. 376 ГК РФ. Кроме того, в перечне оснований прекращения независимой гарантии, который является исчерпывающим, отсутствует такое основание

как «прекращение обеспеченного независимой гарантией обязательства».

Почти все основания прекращения независимой гарантией связаны либо с надлежащим исполнением гарантом своего обязательства, либо с односторонним волеизъявлением самого бенефициара. Единственным новым основанием прекращения независимой гарантии по сравнению с перечнем оснований прекращения гарантии, установленным в тексте уже не действующей ст. 378 ГК РФ, является соглашение гаранта с бенефициаром о прекращении обязательства гаранта перед бенефициаром по независимой гарантии. В связи с тем, что прекращение обязательства по независимой гарантии касается лишь взаимоотношений, которые возникают между гарантом и бенефициаром, законодатель предусматривает обязанность гаранта, которому стало известно о прекращении независимой гарантии, без промедления уведомить об этом принципала (должника по основному обязательству) (п. 3 ст. 378 ГК РФ).

Список литературы

1. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II / Отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2010.
2. См. подробнее: Руденко Е. Ю., Каунов А. М. Вопросы акцессорности независимой гарантии // Власть Закона. 2016. № 1 (25). С. 117–122.
3. См. подробнее: Нетишинская Л. Ф., Новикова С. В. Содержание залогового правоотношения // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 100. С. 1540–1554; Нетишинская Л. Ф., Романенко О. А. К вопросу о порядке обращения взыскания на заложенное имущество // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 4. № 7. С. 103–106; Нетишинская Л. Ф., Романенко О. А. К вопросу о предмете залога // Успехи современной науки. 2017. Т. 6. № 1. С. 6–8.
4. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1412.

УДК/UDC 337

Презумпция вины причинителя вреда

Дижичкин Владислав Олегович

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: vdizhichkin@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению проблем презюмирования вины в отечественном гражданском законодательстве. «Презумпция вины» — привычное понятие для отечественной цивилистической доктрины права и судебной практики. В современном гражданском праве выделяют презумпцию вины при причинении вреда владельцем источника повышенной опасности и презумпцию вины при неисполнении обязательств. Автором рассматриваются разные подходы к пониманию понятия «презумпция вины». Делается вывод о том, что при наличии разных оснований понимания презумпции вины теряется самостоятельная сущность данного понятия, его истинность и ценность. Автором отмечается, что презумпция вины содержит в себе указание на правовое закрепление, а также «вероятное предположение». Именно поэтому следует различить такие понятия, как «презумпция вины» и «презюмирование». В статье отмечается, что вина как элемент состава гражданского правового нарушения не всегда является обязательным критерием возникновения обязательств из причинения вреда. Автор приходит к выводу, что лицо, в действиях которого обнаруживается состав гражданского правонарушения, должно нести ответственность в силу общих норм гражданского законодательства, а именно главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: вина, презумпция вины, причинитель вреда, гражданско-правовая ответственность.

Presumption of the Tortfeasor's Guilt

Dizhichkin Vladislav Olegovich

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: vdizhichkin@mail.ru

Abstract

This article deals with the issues connected with presumption of guilt in the Russian civil legislation. Presumption of guilt is notion familiar to the Russian civil law doctrine and court practice. In the modern civil law, presumption of guilt is divided into presumption of guilt for damage caused by the owner of the source of increased danger and presumption of guilt for failure to meet one's obligations. The author considers various approaches to understanding of the notion of presumption of guilt. He comes to the conclusion that due to the presence of different bases for understanding of presumption of guilt, this notion loses its independent essence, its validity and importance. The author notes that presumption of guilt contains an indication of legal confirmation, as well as a "postulate". That is why one should distinguish between such notions as presumption of guilt and presuming. It is noted that guilt as an element of the body of a civil law violation is not always an mandatory criterion for the emergence of trespass obligations. The author comes to the conclusion that a person whose actions carry the elements of a tort should be liable by virtue of the general norms of the civil legislation, namely Chapter 59 of the Civil Code of the Russian Federation.

Key words: guilt, presumption of guilt, tortfeasor, civil law liability.

«Презумпция вины» — привычное понятие для отечественной цивилистической доктрины права и судебной практики. В юридической литературе встречается множество толкований данного понятия.

Так, одни авторы рассматривают презумпцию вины как закрепленное в нормах гражданского права предположение, которое является предпосылкой возникновения одного юридического факта при наличии других [1]. Другие авторы определяют презумпцию вины не только как норму права, но также и способ правового регулирования, прием законодательной техники, средство стимулирующего характера [2]. Ряд авторов рассматривают презумпцию вины как метод юридического толкования [3].

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что презумпция вины содержит в себе указание на правовое закрепление, а также «вероятное предположение».

Однако рассмотрение презумпции вины с различных позиций (как норма права, метод юридического толкования, юридический факт, обязанность правоприменителя и проч.), на наш взгляд, является не совсем верным. При наличии разных оснований понимания презумпции вины теряется самостоятельная сущность данного понятия, его истинность и ценность. Именно поэтому следует различить такие понятия как «презумпция вины» и «презюмирование».

Одной из известных презумпций в обязательственном гражданском праве является презумпция вины причинителя вреда.

По справедливому мнению Б. А. Балуевского, в деликтных обязательствах общая модель презумпции вины основывается на предположении, что обязанный отвечать за причиненный вред субъект (причинитель вреда) относится к своему поведению как к противоправному действию [4].

Так, в соответствии с п. 2 ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения такого вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине [5].

Причинителем вреда, в соответствии с положениями ст. 1064 ГК РФ, может выступать физическое лицо, юридическое лицо, публично-правовое образование.

Следует отметить, что вина как элемент состава гражданского нарушения не всегда является обязательным критерием возникновения обязательств из причинения вреда. В случаях, прямо предусмотренных законом, обязанность по возмещению вреда может быть возложена на иных лиц и в определенном объеме.

Так, например, в соответствии со ст. 1073 ГК РФ, в качестве субъекта ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними, не достигшими возраста четырнадцати лет, закон определяет не причинителя вреда, а родителей (усыновителей, опекунов).

Следует отметить, что важность определения оснований и условий деликтной ответственности, а также установленной законом обязанности по возмещению вреда иным лицом, которое не являющимся причините-

лем вреда, заключается в том, что лицо, в действиях которого обнаруживается состав гражданского правонарушения, должно нести ответственность в силу общих норм гражданского законодательства, а именно главы 59 ГК РФ.

Список литературы

1. Барков А. В. Договор как средство правового регулирования рынка социальных услуг. М.: Юрист, 2008. 291 с.
2. Головалова М. Н. Понятие и значение презюмирования вины в гражданском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4 (22). С. 139–146.
3. Андреев А. А. Основания освобождения от эвентуальной ответственности // Гражданское право. 2010. №1. С. 14–16.
4. Балуюевский Б. А. Непрезюмированная вина (к вопросу о неприменимости конструкции презумпции вины потерпевшего в деликтных обязательствах) // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 148–149.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон РФ от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

УДК/UDC 347.1

Правовые вопросы соотношения предпринимательской деятельности с деятельностью, приносящей доход

Каунов Александр Михайлович

магистрант факультета заочного обучения

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: stin7035@rambler.ru

Аннотация

К основным субъектам гражданских правоотношений гражданское законодательство относит граждан и юридических лиц. Для участия в некоторых правоотношениях, регулируемых гражданским законодательством, необходимо наличие особого статуса. Так, для осуществления предпринимательской деятельности гражданин должен получить статус индивидуального предпринимателя, а юридическое лицо должно иметь надлежащую организационно-правовую форму. Однако в действующем гражданском законодательстве встречаются разные определения деятельности участников гражданского оборота. Для одних законодатель употребляет конструкцию «предпринимательская деятельность», для других — «деятельность, приносящая доход». В данной статье рассматриваются дискуссионные вопросы соотношения понятий «предпринимательская деятельность» и «деятельность, приносящая доход». Автор ищет пути разграничения деятельности профессиональных коммерсантов — коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей — и субъектов, не преследующих извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности, — некоммерческих организаций. В данной работе автор приводит мнения отечественных ученых-правоведов по данному вопросу и позицию законодателя, изложенную в действующих нормативно-правовых актах, проводит сравнительный анализ изменений гражданского законодательства, связанных с правовым положением юридических лиц, делает предложения о дальнейшем развитии правовых норм, регулирующих деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в сфере извлечения ими дохода от своей деятельности.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность; деятельность, приносящая доход; коммерческие организации; некоммерческие организации.

Legal Issues of Correlation Between Business Activity and Profit-Making Activity

Kaunov Aleksandr Mikhaylovich

student in the master's programme of the Faculty of Extramural Studies

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: stin7035@rambler.ru

Abstract

The civil legislation places citizens and entities among the principal subjects of the civil matter. In order to take part in certain civil matters which are regulated by the civil legislation, it is necessary to have a special status. So, to lead business activity a citizen has to obtain the individual entrepreneur status and an entity has to get a proper organisational and legal form. However, in the modern civil law, there are different concepts of civil turnover participants activity. The legislator applies two different formulas, namely business activity and profitable activity, to different types of these participants. This article touches upon debatable questions on correlation between the notions of business activity and profitable activity. The author tries to find the ways to differentiate the activities of professional businessmen (commercial organisations and individual entrepreneurs) and subjects which do not set the profit as the main goal of their activity (non-profit organisations). In this article, the author gives the opinions of Russian law scientists on this issue and the position of the legislator which is stated in the modern legislative acts. He also makes a comparative analysis of the changes in the civil legislation connected with the legal position of artificial persons and makes propositions on the further development of the legal norms which regulate the activity of artificial persons and individual entrepreneurs as concerns gaining profit from their activity.

Key words: business activity, profitable activity, commercial organisations, non-profit organisations.

Согласно п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ, гражданское законодательство среди прочего регулирует отношения между лицами, которые осуществляют предпринимательскую деятельность, или с их участием [1].

Исходя из положений абзаца 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ, предприниматель-

ской деятельностью следует считать самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, которая направлена на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, оказания услуг или выполнения работ лицами, которые зарегистрированы в качестве предпринимателей в установленном законом порядке.

Предпринимательская деятельность осуществляется либо специально созданными с определенной (-ыми) целью (-ями) субъектами — юридическими лицами, либо гражданами, которые зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей.

Гражданское законодательство различает юридические лица в зависимости от цели их создания. Так, если организация в качестве основной своей цели, определенной в ее учредительном документе, преследует извлечение прибыли, она признается коммерческой. Если же такой «меркантильной» цели в качестве основной организацией не заявлено, а полученная прибыль между участниками организации не распределяется — она считается некоммерческой (п. 1 ст. 50 ГК РФ).

По своей сути предпринимательской деятельностью должны заниматься именно коммерческие организации, ставящие на первое место в своей деятельности получение прибыли и открыто провозглашающие это в своих учредительных документах. Как бы в противоположность им создаются некоммерческие организации. Цель таких организаций — достижение общественных благ в социальной, благотворительной, культурной, образовательной, научной и управленческой сферах, в сферах развития физической культуры и спорта, разрешения споров и конфликтов, охраны здоровья граждан, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, оказания юридической помощи, а также в иных сферах деятельности [2].

Пункт 4 статьи 50 ГК РФ предусматривает, что некоммерческие организации могут осуществлять приносящую доход деятельность, но только в тех случаях, если это предусмотрено их уставами, и лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они

созданы, а также, если это соответствует этим целям.

Что представляет собой деятельность, приносящая доход, и как она соотносится с предпринимательской деятельностью, осуществляемой коммерческими организациями и индивидуальными предпринимателями?

Данным вопросом уже долгое время задаются ученые-правоведы, и вариантов ответов на него у них немало. Так, по мнению К. П. Крайневских, приносящая доход деятельность не может быть рассмотрена как предпринимательская, поскольку отсутствуют главные критерии предпринимательства, установленные ст. 2 ГК РФ: «получение прибыли, самостоятельность и осуществление ее на свой риск, что связано с существованием субсидиарной ответственности собственника наряду с максимально усеченной имущественной базой собственной ответственности учреждения, нестандартным имущественным режимом этой базы и специальной правоспособностью» [3].

Ю. Г. Лескова считает, что «приносящая доход деятельность в ряде случаев будет отвечать закрепленным в ст. 2 ГК РФ признакам предпринимательской деятельности. К таким признакам будет относиться:

- извлечение прибыли;
- осуществление приносящей доход деятельности на свой риск;
- осуществление приносящей доход деятельности под свою имущественную ответственность [4].

По сути, ставится знак тождества между предпринимательской деятельностью и деятельностью, приносящей доход.

Точка зрения О. А. Тарасенко сводится к тому, что понятие «приносящая доход деятельность» следует трактовать как понятие «предпринимательская деятельность» [5].

Ответ законодателя на этот вопрос можно найти в п. 2 ст. 24 ФЗ «О некоммерческих организациях», который закрепляет право некоммерческой организации на осуществление предпринимательской и иной приносящей доход деятельности лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых она создана и соответствует указанным

целям, при условии, что такая деятельность указана в его учредительных документах. Приносящей доход деятельностью признается приносящее прибыль производство товаров и услуг, отвечающих целям создания некоммерческой организации, а также приобретение и реализация ценных бумаг, имущественных и неимущественных прав, участие в хозяйственных обществах и участие в товариществах на вере в качестве вкладчика [2].

Исходя из этого, приносящую доход деятельность некоммерческих организаций законодатель определяет как содержательно более широкое понятие, чем деятельность предпринимательская. Таким образом, предпринимательская деятельность является разновидностью деятельности, приносящей доход.

При этом следует отметить, что ФЗ от 05.05.2014 «О внесении изменений в главу 4 части первой ГК РФ и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов РФ» существенно изменил правовые нормы, которые регулируют положения ГК РФ о юридических лицах [6]. До вступления в силу данного закона в ГК РФ устанавливалось, что некоммерческие организации могут осуществлять предпринимательскую деятельность поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и соответствующую этим целям. Однако внесенные в ГК РФ изменения не были учтены законодателем применительно к ФЗ «О некоммерческих организациях», приведенная выше статья которого до сих пор действует в редакции от 2010 года. Если в ГК РФ нормы об осуществлении некоммерческими организациями предпринимательской деятельности утратили силу, то в ФЗ «О некоммерческих организациях» они все еще действуют. В связи с чем до внесения изменений в ФЗ «О некоммерческих организациях» в ключе ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой ГК РФ и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов РФ» данная правовая коллизия не будет разрешена.

Исходя из вышесказанного, следует разграничить предпринимательскую деятельность и деятельность, приносящую доход: право заня-

тия первой предоставить исключительно коммерческим организациям и индивидуальным предпринимателям, то есть субъектам, специально ориентированным на получение прибыли, а о второй упоминать как о деятельности, осуществляемой некоммерческими организациями и являющейся второстепенной (факультативной) к основной социально полезной деятельности этих юридических лиц.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 145.

3. Кряжевских К. П. Правовая природа самостоятельного распоряжения имуществом, приобретенным финансируемым собственником учреждением на доходы от «предпринимательской» деятельности // Актуальные проблемы гражданского права: Сб. статей. Вып. 6 / Под ред. О. Ю. Шиловцова. М.: Норма, 2003. С. 176.

4. Лескова Ю. Г. К вопросу о модернизации правил ГК РФ о юридических лицах // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 102. С. 144.

5. Тарасенко О. А. О предпринимательской и приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // Юрист. 2014. № 23. С 15–18.

6. Федеральный закон «О внесении изменений в главу 4 части первой ГК РФ и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов РФ» от 05 мая 2014 г. № 99-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 19. Ст. 2304.

УДК/UDC 343

Формирование тактики следственных действий в системе криминалистики

Колесникова Виктория Александровна

преподаватель кафедры международного частного и предпринимательского права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: anna-butygina@rambler.ru

Шульга Оксана Александровна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

Уджуху Айдамир Гиссович

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

Аннотация

Рассмотрение историко-правовых аспектов становления следственных действий в России, а также обращение особого внимания на изменение тактики следственных действий в процессе их развития необходимо для уяснения современного состояния уголовно-процессуального законодательства. На этой основе авторы разработали концептуальные положения, регулирующие общие вопросы производства следственных действий, сформулировали предложения и рекомендации по применению и совершенствованию института следственных действий в досудебном производстве.

Ключевые слова: тактика, следственные действия, криминалистика, уголовный процесс.

Development of Investigative Tactics in the System of Criminalistics

Kolesnikova Viktoriya Aleksandrovna

lecturer of the International Private and Business Law Department

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: anna-butygina@rambler.ru

Shulga Oksana Aleksandrovna

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

Udzhukhu Aydamir Gissovich

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

Abstract

Examination of historical and legal aspects of the formation of investigative actions in Russian, as well as paying a special attention to the changes in investigative tactics in the course of their development is necessary for understanding the modern state of the criminal procedure legislation. On this basis, the authors developed some conceptual provisions which would regulate the general issues of how to conduct the investigative actions, and formulated the suggestions and recommendations on applying and improving the institution of investigative actions in pretrial proceedings.

Key words: tactics, investigative actions, criminalistics, criminal procedure.

Поскольку криминалистика разрабатывает более эффективные методы расследования преступлений, значительное место в ней принадлежит следственной тактике. В первую очередь это относится к криминалистической тактике осуществления следственных действий, позволяющей определить научный уровень и качество расследования преступлений. Согласимся с точкой зрения Г. Г. Зуйкова, утверждающего, что

«криминалистическая тактика является разделом науки криминалистика, которая занимается разработкой приемов проведения следственных действий, общих тактических рекомендаций по планированию расследования и организации» [1].

Невозможно рассматривать историю формирования тактики следственных действий отдельно от истории развития криминалистики. Следует отметить, что этапы становления криминалистики как в рамках работ монографического характера, так и в рамках учебной дисциплины исследовались неоднократно в научных работах Р. С. Белкина, В. А. Образцова, О. Я. Баева, Н. П. Яблокова, В. Е. Корнаухова и других авторов. Указанные авторы разделяют процесс формирования российской криминалистики на следующие этапы:

- 1) до октября 1917 года: возникновение и первый опыта использования средств и приемов в уголовном процессе;
- 2) 1917–30-е гг. XX в.: накопление эмпирического материала;
- 3) 40–50-е гг.: формирование частных теорий криминалистики;
- 4) 60–80-е гг.: формирование и развитие общей методологии и теории криминалистики;
- 5) 90-е гг.: разработка и внедрение новых технологий в изменившихся экономических и социальных условиях, дальнейшее совершенствование общей и частных теорий криминалистики;
- 6) с начала XXI в.: этап, формировавшийся с вступлением в законную силу с 1 июля 2002 года нового УПК и характеризующийся улучшением компьютерных технологий, а также более интенсивным проникновением зарубежных идей развития следственных действий.

Соответственно, мы можем утверждать, что с самых первых упоминаний о следственных действиях, которые носили в древних правовых памятниках еще условный характер, появилась необходимость в разработке тактических приемов для их проведения и успешного результата расследования.

На протяжении истории с изменением общественного и политиче-

ского строя, нравственного и морального сознания, устоев и традиций тактические приемы претерпевали изменения. Некоторые устаревали и отмирали, некоторые существуют и по настоящее время.

Поэтому рассмотрим тактику следственных действий, дошедшую до нас.

На сегодняшний день понятие «следственная тактика» нельзя сводить только к выбору оптимального поведения из предоставляемых законодателем альтернатив. По существу, в настоящее время следственная тактика представляет собой своеобразную технологию производства следствия в целом и регламентированные уголовно-процессуальным законодательством отдельные следственные действия, включающие изучение различных приемов, которые направлены на наиболее точное и эффективное выполнение требований уголовно-процессуального законодательства при сборе доказательств вне зависимости от того, к какой категории преступлений относится совершённое деяние [2].

Так, например, Д. П. Поташник к задачам криминалистической тактики относит:

- изучение тактики поведения преступников и совершение определенного вида преступления;
- тактическую разработку познавательной, поисковой, достоверительной аналитической и исследовательской деятельности следователя;
- изучение и выявление закономерностей возникновения и передачи значимой информации от ее носителя к следователю;
- с учетом следственных ситуаций — разработку более эффективных тактических приемов проведения отдельных следственных действий.

Полагаем, что наиболее значимым элементом криминалистической тактики является тактический прием. В научной литературе, как правило, дается общее определение данного приема, под которым следует понимать наиболее рациональное действие в определенных условиях или подчеркиваются какие-либо стороны. Так, Р. С. Белкин рассматривает

тактический прием как наиболее эффективный и рациональный способ действия или наиболее целесообразное в данных условиях линию поведения лица, которое осуществляет то или иное процессуальное действие.

В уголовно-процессуальном закон не предусмотрено и, соответственно, невозможно предусмотреть заранее применение в каждом конкретном случае научных рекомендаций.

Эти рекомендации весьма разнообразны, поскольку они подвержены изменениям и постоянному развитию. Именно это и способствует свободное оперирование ими. Как правильно указывает в своих работах Имре Кертес, криминалистическая тактика всегда подразумевает возможность маневрировать одним из двух и более возможных, не противоречащих нормам УПК приемов на основании оценки всех обстоятельств дела [3].

На протяжении всего периода истории формирования следственной тактики перед учеными и практиками по-разному разрешается вопрос о пределах дозволенного воздействия на потерпевших и свидетелей, подозреваемых и обвиняемых. Данный вопрос приобретает особенную роль, когда речь идет о тактике допроса — следственного действия, при производстве которого применялись различные приемы психического воздействия на допрашиваемого, который не желал говорить правду, изобличение во лжи [4, с. 14].

Разработка тактики следственных действий предполагает и определенную систематизацию, которая применяется при производстве тактических приемов, типизацию в рамках каждого следственного действия их системы.

Тактическая операция является эффективным средством тактического воздействия на следственную ситуацию. Она представляет собой систему тактических приемов и действий, которые направлены на решение в результате расследования крупных тактических задач. Криминалистическая теория тактических операций сложилась из диалектического понимания процесса расследования преступлений и прогрессивной следственной практики, структурного системного анализа этого про-

цесса, и, несомненно, с учетом историко-правовых изменений [4, с. 17]. Изучение криминалистической литературы последних лет подтверждает, что тактические операции вошли в широкий обиход криминалистов, на современном этапе развития науки о них говорится как о составных элементах криминалистической методики и тактики расследования отдельных видов преступлений.

Элементы следственного действия в криминалистике формируют «ядро», тактику их проведения, которая обеспечивает возможность получить объективную, полную, достоверную доказательственную информацию. Они довольно сложны, поскольку базируются на использовании не только криминалистики, но и данных психологии, физиологии, логики и других наук, достижения которых помогают в разработке тактических приемов и тактики проведения следственных действий в целом.

Как определенная совокупность и система тактических приемов установления фактов, которые имеют доказательственное значение, тактика следственных действий не может регламентироваться во всех случаях уголовно-процессуальным законодательством. В законе содержатся лишь общие и специальные положения осуществления следственных действий. Если нормы УПК обязательны для всех случаев проведения конкретного следственного действия, то криминалистическая тактика зависит от особенностей уголовного дела, по своей сущности она индивидуальна и конкретна в каждом случае, но при этом должна соответствовать общим принципам закона.

С точки зрения следственной этики нравственные элементы следственного действия определяют допустимость его проведения, возможность использования определенных тактических приемов. Нравственное начало тесно связано с тактиками в каждом следственном действии, обладающими свойствами всеобщности и распространяющимися на всю тактику следственного действия, и все тактические приемы его осуществления.

В настоящее время вопросы диалектической взаимосвязи, процессуальных, нравственных и научных основ следственной тактики привле-

кают к себе особое внимание юристов [5].

Необходимо отметить, что в целом развитие криминалистической тактики обусловлено формированием науки, трансформацией задач борьбы с преступностью в условиях «технизации» криминальных деяний. Поэтому разбираться в теме данной работы нецелесообразно без параллельного изучения наряду с историческими аспектами становления понятия и системы следственных действий, также формирования тактики следственных действий в системе криминалистики.

Изучив вопрос применения положений следственной тактики в расследовании, следует сделать вывод, что на сегодняшний день раскрытие, расследование и предупреждение преступлений во многом зависит от тактически грамотного и широкого использования следователем криминалистических знаний. При этом должны правильно сочетаться различные процессуальные и не процессуальные формы применения тактических знаний, эффективное использование тактических средств, а также правильная организация различной правоохранительной деятельности.

Список литературы

1. Салтевский М. В. Криминалистика. В современном изложении юристов. Харьков, 1997. С. 27.
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 2001. С. 673.
3. Кертеc И. Тактика и психологические основы допроса. М.: Юридическая литература, 1965. С. 3.
4. Дулов А. В. О разработке тактических операций при расследовании преступлений. М., 1972.
5. Белкин Р. С. Нравственные начала деятельности следователя органов внутренних дел: Лекция. М., 1999.

УДК/UDC 349.23/24

Правовое регулирование порядка приема на работу иностранных граждан в Российской Федерации

Лукьянов Дмитрий Александрович

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: dimitrylukianov@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрен порядок приема на работу в Российской Федерации иностранных работников. Автор проводит сравнительный анализ нормативных правовых актов, регулирующих данные положения. Выявлена закономерность развития законодательства Российской Федерации относительно приема на работу иностранных работников, которая заключается в отмене некоторых положений, касающихся уведомления государственных органов о приеме на работу таких работников.

Ключевые слова: трудоустройство, иностранный работник, трудовой договор, разрешение на работу, патент.

Legal Regulation of Employment of Foreign Citizens in the Russian Federation

Lukyanov Dmitriy Aleksandrovich

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: dimitrylukianov@gmail.com

Abstract

The article describes the employment procedure of foreign workers in the Russian Federation. The author makes a comparative analysis of normative legal acts which

regulate these provisions. The author reveals the established pattern of legislation development in the Russian Federation regarding employment of foreign workers which consists in the abolition of certain provisions concerning the notification of the state bodies on employment of such workers.

Key words: employment, foreign worker, employment contract, agreement for a work, patent.

Порядок заключения трудового договора с иностранным работником имеет свои особенности, обусловленные прежде всего их правовым статусом. Правовое регулирование данных вопросов осуществляется Конституцией РФ, Трудовым кодексом Российской Федерации и Федеральным законом РФ от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» [1].

Так, п. 1 ст. 13 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» устанавливается, что иностранные работники пользуются следующим спектром прав:

- во-первых, иностранные работники обладают правом свободного распоряжения своими способностями к труду;
- во-вторых, они обладают правом на свободное использование своих способностей и имущества для осуществления предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности с учетом определенных ограничений;
- в-третьих, они имеют право выбора рода деятельности и профессии.

Главная особенность заключения трудового договора с иностранным работником заключается в необходимости достижения иностранным работником восемнадцатилетнего возраста, а также наличия у него разрешения на работу или патента для трудоустройства на территории России [2].

Для иностранных работников устанавливается особый порядок получения разрешения на работу. Так, согласно положениям ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ», безвизовым иностранным

работникам для легального трудоустройства на территории РФ необходимо оформить патент, а иностранцам, находящимся на территории РФ на основании визы, — разрешение на работу. Данное отличие отсутствовало в ранее действовавшем Указе Президента РФ «О привлечении и использовании в Российской Федерации иностранной рабочей силы» [3], согласно которому обе категории иностранных работников могли легально трудоустроиться на территории РФ на основании только лишь разрешения на работу.

Среди новелл ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» есть также отмена обязанности по уведомлению службы занятости и налоговых органов о приеме на работу иностранных работников. Согласно данному закону, работодателю необходимо в обязательном порядке уведомить только территориальный орган главного управления по вопросам миграции МВД России о заключении или расторжении трудового договора с иностранным работником.

Данный закон, в отличие от Указа Президента РФ «О привлечении и использовании в Российской Федерации иностранной рабочей силы», наиболее полно регулирует особенности осуществления трудовой деятельности отдельных категорий иностранных работников.

Помимо получения разрешения на работу (патента), особенность трудоустройства иностранных работников заключается и в особом перечне документов, которые такой работник должен предоставить работодателю при приеме на работу [4].

Данный перечень устанавливается трудовым законодательством: так, ст. 65 ТК РФ содержит перечень документов, необходимых для трудоустройства гражданам РФ, который распространяется и на иностранных работников [5].

Однако Федеральным законом от 01.12.2014 № 409-ФЗ была введена глава 50.1 Трудового кодекса «Особенности регулирования труда работников, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства», содержащая ст. 327.3 ТК РФ, устанавливающая дополнительные документы, которые иностранный работник должен предоставить

работодателю. Согласно положениям данной статьи, к таким документам относятся:

- договор (полис) добровольного медицинского страхования, предоставляющийся иностранными работниками, которые временно пребывают на российской территории (данный документ не предоставляется в том случае, если у работодателя есть договор на платное медицинское обслуживание таких работников, или в случаях, которые предусмотрены федеральными законами или международными договорами);
- при заключении трудового договора с иностранцем, который временно проживает на территории РФ, — разрешение на временное проживание;
- при заключении трудового договора с иностранцем, который постоянно проживает на территории РФ, — вид на жительство;
- разрешение на работу (патент) — запрашивается у иностранца, который временно пребывает на территории России [6]. Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что данные дополнительные требования, предъявляемые к иностранным работникам, намеревающимся трудоустроиться на территории Российской Федерации, вполне оправданы, поскольку создают для иностранцев дополнительные гарантии их работы на территории РФ в течение всего срока заключенного с ними трудового договора (контракта). И их необходимость обуславливается особым статусом таких работников.

Список литературы

1. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // Российская газета. № 3008. 31.07.2002.

2. Кумалагов Г. Х. Трудоустройство иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации // Трудовое право. 2005. № 11.

3. Указ Президента Российской Федерации «О привлечении и использовании в Российской Федерации иностранной рабочей силы» от 16.12.1993 № 2146 // Рос-

сийская газета № 240. 30.12.1993.

4. Скачкова Г. С. Труд иностранцев в России. Научно-практическое пособие. М: Омега-Л, 2006 г. 176 с.

5. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.

6. Феоктистов И. А. Трудоустройство иностранных граждан в России. М.: ГроссМедиа. 2008 г. 201 с.

УДК/UDC 347.1

Исключение участников из общества с ограниченной ответственностью как мера ответственности в корпоративных отношениях

Павлов Василий Владимирович

студент магистратуры юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: chatterbox1995@mail.ru

Аннотация

Реформирование гражданского законодательства Российской Федерации посредством внесения изменений и дополнений в главу 4 Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон РФ «Об обществах с ограниченной ответственностью» повысило роль корпоративного права участия и корпоративного права управления. Такие изменения в части корпоративных прав должны были укрепить положения об исключении участника из состава участников хозяйственного общества. По мнению автора, исключение участника из общества с ограниченной ответственностью как мера корпоративной ответственности является исключительно судебной мерой. Однако отсутствие единообразной арбитражной судебной практики и несовершенство действующего гражданского законодательства свидетельствует об отсутствии единого подхода к разрешению данного типа споров. Как считает автор, видна необходимость в чёткой правовой регламентации на законодательном уровне такого способа защиты гражданских прав, как исключение участника из состава участников общества с ограниченной ответственностью. Автор также считает целесообразным разработать и принять подзаконный нормативный правовой акт, в котором следует отразить более детально основания исключения участников из общества, раскрыть формулировку «грубо нарушает обязанности участника общества».

Ключевые слова: корпоративное право, общество с ограниченной ответственностью, участник хозяйственного общества.

Expulsion from a Limited Liability Company as a Liability in Corporate Relations

Pavlov Vasiliy Vladimirovich

student in the master's programme of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: chatterbox1995@mail.ru

Abstract

Civil legislation reforming in the Russian Federation by means of amendments and supplements to Chapter 4 of the Civil Code of the Russian Federation and to the Federal Law of Russia “On Limited Liability Companies” increased the importance of the corporate right to have an interest and the corporate right to manage the company. These changes concerning corporate rights were aimed at strengthening the provisions on expulsion a member from the list of members of the limited liability company. According to the author, expulsion of a member from the limited liability company as a corporate liability is exclusively a judicial measure. However, lack of uniform arbitration court practice and imperfection of the existing civil legislation shows that there is no single approach to settlement of this kind of disputes. The authors sees a necessity in clear legal regulation on the legislative level of such a means of civil rights protection as expulsion of a member from the limited liability company. The author also thinks it reasonable to work out and adopt a subordinate legal act in which the reasons for expulsion of members should be stated in more details and the wording “commits a gross violation of a company member’s obligations” should be expanded.

Key words: corporate law, limited liability company, member of a company.

С 1 сентября 2014 года преобразование гражданского законодательства обусловило ряд значительных изменений в общей части Гражданского кодекса РФ [1]. Так, в данном кодифицированном акте впервые нашло своё правовое закрепление понятие «корпоративные отношения», содержащее в себе корпоративное право участия и управления, нашли свою правовую регламентацию нормы о корпоративном договоре [2]. Изменениям также подверглись положения об ответственности участников

хозяйственного общества, основанных на их участии.

Согласно ст. 10 Федерального закона РФ от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», участники общества, доли которых в совокупности составляют не менее десяти процентов размера уставного капитала общества, вправе потребовать в судебном порядке исключения из общества участника, грубо нарушающий свои обязанности, либо своим деянием существенно затрудняет деятельность общества или делает её невозможной [3].

Следует отметить, что такая мера ответственности, как исключение участника из общества, является исключительно судебной мерой (обеспечивается посредством подачи в арбитражный суд искового заявления об исключении участника общества).

Правом обратиться в арбитражный суд имеет только определенная категория участников хозяйственного общества — доля которых в совокупности составляет не менее десяти процентов от общего размера уставного капитала. При этом само хозяйственное общество не обладает таким спектром прав.

В соответствии с вышеуказанной статьей 10 ФЗ РФ от 08.02.1998 № 14-ФЗ, основанием для исключения участника из хозяйственного общества выступают:

- грубое нарушение участником общества своих прав и обязанностей;
- существенное затруднение участником общества деятельности самого общества;
- участник общества своими действиями (бездействием) делает невозможным деятельность общества.

Следует обратить внимание на то, что Пленум Верховного суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I ГК РФ» под грубым нарушением понимает:

- во-первых, систематичное уклонение без уважительных причин от корпоративного права участия в общем собрании участников общества, лишаящее общество возможности принимать значи-

мые хозяйственные решения по вопросам повестки дня общего собрания участников, если непринятие таких решений причиняет существенный вред обществу и (или) делает его деятельность невозможной либо существенно её затрудняет;

- во-вторых, совершение участником общества действий, которые противоречат интересам общества, если эти действия причинили обществу существенный вред и (или) сделали невозможной деятельность общества либо существенно её затруднили [4].

При этом перечень оснований исключения участника из состава участников общества является открытым. Иными словами, перечень иных оснований, по которым участник общества существенно нарушает или затрудняет деятельность общества, будет определяться арбитражным судом.

Однако противоречивость современной арбитражной судебной практики и несовершенство действующего гражданского законодательства в части исключения участника из состава участников общества с ограниченной ответственностью свидетельствует об отсутствии единого подхода к разрешению данного типа споров.

Видна необходимость чёткой правовой регламентации на законодательном уровне исключение участника из состава участников общества с ограниченной ответственностью как способа защиты гражданских прав.

Считаем целесообразным разработать и принять подзаконный нормативный правовой акт, в котором следует отразить более детально основания исключения участников из общества, раскрыть понятие «грубо нарушает обязанностей участника общества».

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон РФ от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Руденко Е. Ю., Усенко А. С. Правовая природа корпоративного договора в Российском праве // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 118. С. 386–396.

3. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон РФ от 08.02.1998 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.

4. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23.06.2015. № 25 // Российская газета. № 140. 2015.

УДК/UDC 337

К вопросу об определении правового режима сложных объектов интеллектуальной собственности на примере театрально-зрительного представления

Подлесный Алексей Андреевич

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: podlesnyy95@list.ru

Аннотация

Принятие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации обусловило изменение использования результатов интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта. Отсутствие легального определения сложного объекта интеллектуальных прав, а также непоследовательное правовое закрепление в Гражданском кодексе Российской Федерации отличительных признаков от иных объектов интеллектуальных прав приводят к противоречащей судебной практике, а также плюрализму мнений среди ученых-цивилистов. Автором изучается сложный объект интеллектуального права на примере театрально-зрелищного представления. Отмечается, что для театрально-зрительного представления как единого объекта интеллектуальных прав характерно наличие единого творческого замысла. По мнению автора, следует дать легальное определение сложного объекта интеллектуальных прав, расширить перечень признаков. Автор приходит к выводу, что для единообразия в понимании следует изложить в Гражданском кодексе РФ данное понятие в следующей трактовке: сложный объект интеллектуального права представляет собой единое целое завершённое произведение с обязательным наличием авторского замысла.

Ключевые слова: сложный объект интеллектуальных прав, театрально-зрелищное представление.

On the Issue of Defining a Legal Regime of Complex Intellectual Property Objects by an Example of a Theatrical and Entertainment Performance

Podlesnyy Aleksey Andreyevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: podlesnyy95@list.ru

Abstract

Adoption of the Part IV of the Civil Code of the Russian Federation conditioned the changes in using the results of intellectual activity as a part of a complex object. The absence of the legal definition of complex intellectual property object and inconsistent legal consolidation of the features that distinguish it from the other intellectual property objects in the Civil Code of Russia lead to contradictory court practice, as well as to pluralism among the law scientists. The author examines the complex intellectual property object by example of theatrical and entertainment performance. He notes that it is characteristic of theatrical and entertainment performance as a single intellectual property object to have a single creative concept. The author suggests to give the legal definition of complex intellectual property object and to expand the list of its features. The author comes to the conclusion that, in order to reach uniformity in understanding, it is necessary to state this definition in the Civil Code of Russia in the following wording: a complex intellectual property object is a single whole complete work with the obligatory presence of a creative concept.

Key words: complex intellectual property object, theatrical and entertainment performance.

Правовое закрепление конструкции сложного объекта интеллектуальных прав в ст. 1240 части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] изменило смысловое значение, а также правовую регламентацию театрально-зрелищных представлений, аудиовизуальных произведений, мультимедийных продуктов, кинофильмов и баз данных.

В соответствии с п. 1 ст. 1240 ГК РФ, лицо, организовавшее созда-

ние сложного объекта, включающего несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, приобретает право использования указанных результатов на основании договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных договоров, которые заключаются таким лицом с обладателями исключительных прав на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности.

Исходя из вышеизложенного положения, следует сделать вывод о том, что действующее гражданское законодательство фокусируется на организовавшем сложный объект лице.

Закрепляется исчерпывающий перечень сложных объектов интеллектуальных прав (кинофильм; база данных; мультимедийная продукция; аудиовизуальное представление; *театрально-зрелищное представление*).

Однако отсутствует легальное определение сложного объекта интеллектуальных прав, а также непоследовательно правовое закрепление в ГК РФ отличительных признаков от иных объектов интеллектуальных прав.

Все это приводит к противоречащей судебной практике и плюрализму мнений среди ученых-цивилистов, что еще раз подчеркивает актуальность темы данного научного исследования.

Несмотря на отсутствие в ГК РФ положений, дающих правовое закрепление понятию «сложный объект интеллектуальных прав», данное понятие можно встретить в судебной практике.

Так, в соответствии с п. 17 «Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав» [2], правовой режим сложного объекта распространяется на единое целое завершенное произведение, в котором невозможность использования хотя бы одной составляющей его части приведет к утрате авторского замысла создателя сложного объекта и повлечет невозможность его дальнейшего применения.

На наш взгляд, следовало бы расширить ст. 1240 ГК РФ в части признаков сложного объекта, закрепить легальное определение данного

понятия.

Рассмотрим сложный объект интеллектуальных прав на примере театрально-зрелищного представления. Нередко в юридической литературе театрально-зрелищное представление сравнивается с произведениями «синтетического искусства» (примечание: «синтетическое искусство» — соединение нескольких искусств или видов искусства в единое художественное целое, не сводимое к сумме составляющих его компонентов) [3]. В части четвертой Гражданского кодекса РФ театрально-зрелищное представление упоминается дважды:

- во-первых, применительно к использованию результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта (ст. 1240 ГК РФ); при этом данная статья закрепляет только способы использования результатов интеллектуальной деятельности (наличие лица-организатора, включение его в состав нескольких охраняемых результатов интеллектуальной деятельности), не раскрывая сущности театрально-зрелищного представления, как такового объекта;
- во-вторых, применительно к смежным правам исполнителей (ст. 1313 ГК РФ).

Следует отметить, что театрально-зрелищное представление характеризуется рядом особенностей, отличающих его от иных объектов.

Так, например, организатором может выступать продюсер или зрелищная организация [4]. Также театрально-зрелищное представление включает в себя несколько результатов интеллектуальной деятельности (сценарий, декорации, световое оформление, звуковое сопровождение и др.), при этом важен получившийся в результате такого единства объект.

По справедливому мнению Ю. В. Вехитовой [5], результатом объединения в театрально-зрелищное представление нескольких объектов интеллектуальной деятельности является *единый, завершённый, сложный объект* и наличие так называемого «*единого творческого замысла*». Таким образом, театрально-зрелищное представление является единым целым завершённым произведением с обязательным наличием авторско-

ГО ЗАМЫСЛА.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон РФ от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (1 ч.), Ст. 5496.
2. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного суда РФ 23.09.2015) // Бюллетень Верховного суда РФ. 2015. № 11.
3. Савельева И. В. Правовое регулирование отношений в области художественного творчества. М.: Изд-во Московского университета. 1986. 141 с.
4. Научно-практический комментарий судебной практики в сфере защиты интеллектуальных прав / В. О. Калятин, Д. В. Мурзин, Л. А. Новоселова и др.; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М.: Норма, 2014. С. 480.
5. Вехитова Ю. В. Анализ сложного объекта интеллектуальных прав на примере театрально-зрелищного представления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2 (28). С. 41–48.

УДК/UDC 34.01

Асимметрия в структуре российского федерализма

Савельев Артем Эдуардович

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

Шаповалов Анатолий Вячеславович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории истории государства и права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

Аннотация

В данной статье анализируются существующие противоречия между правовым регулированием и сложившимися реалиями в части определения статусных элементов субъектов в составе Российской Федерации. Рассматриваются правовые проблемы асимметрии российского федерализма. Авторы приходят к выводу, что при реформировании федеративных отношений не должны приниматься предложения о негативном характере асимметрии федерального устройства России. Асимметрия несет в себе определенные положительные черты и в силу этого должна быть сохранена в федеративном устройстве России.

Ключевые слова: федерация, асимметрия, Российская Федерация, федерализм, субъекты РФ, неравенство.

Asymmetry in the System of Russian Federalism

Savelyev Artem Eduardovich

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

Shapovalov Anatoliy Vyacheslavovich

Candidate of Law, assistant professor of the Department of Theory and History of State and Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

Abstract

This article analyses the existing contradictions between legal regulation and the current state of things as concerns determination of the status elements of the constituent territories of the Russian Federation. The authors look into the legal problems of the asymmetry of Russian federalism and come to the conclusion that suggestions on the negative character of the asymmetry of the federal structure of Russia should be disregarded by reforming the federal relationship. This asymmetry has certain positive features and thus should be preserved in the federal structure of Russia.

Key words: federation, asymmetry, the Russian Federation, federalism, constituent territories of the Russian Federation, inequality.

В современной Российской Федерации вопросы федерализма занимают в правовых и политических дискуссиях одно из основных мест, а в рамках последних наиболее важным вопросом является проблематика взаимоотношений центра и регионов. С середины девяностых годов в России сложилась асимметричная федеративная система с существенными различиями в полномочиях между регионами. Несмотря на отдельные попытки ее переделать, она сохраняется и остается предметом острых дискуссий. Согласно ст. 5 Конституции РФ [1] субъектами в РФ являются республики (государства), края, области, города федерального значения, автономные округа, автономная область. Статья 66 Конституции РФ, которая определяет статус субъектов Федерации, устанавливает формальные различия между субъектами РФ [2].

Под асимметрией конституционно-правового статуса субъектов федеративного государства следует понимать наличие в составе федерации субъектов, которые имеют различный конституционно-правовой статус.

В политической концепции российского федерализма особое внима-

ние исследователей обращено на такие черты, как асимметрия конституционного статуса субъектов федерации и «скрытая унитарность». С одной стороны, регионы юридически обособлены, имеют свой устав или конституцию, выборные органы законодательной и исполнительной власти, двухпалатный парламент. Однако взаимодействие регионов и центра осуществляется по унитарным правилам, в соответствии с установившимися неформальными традициями (административное и экономическое давление, а также двусторонние, зачастую закулисные переговоры). В то же время есть и случаи эффективного достижения политического компромисса.

Таким образом, важное преимущество федерализма состоит в том, что он обеспечивает внутренний мир в этнически, религиозно, культурно разнородном государстве, предотвращает центробежные тенденции. Итак, федерация — альтернатива дроблению человечества по этническому признаку в условиях подлинно демократического устройства общества.

Причиной асимметрии конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации являются особенности ее создания и развития. Географический комплекс и этнический состав России привели к необходимости удовлетворения в той или иной форме нерусских народов устремлений на самоопределение. Поэтому федерализация всегда рассматривалась в России прежде всего как путь к решению национальных проблем.

Необходимо сказать, что чертами асимметрии конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации являются особенности их конституционно-правового статуса, которые раскрываются в Конституции РФ, поскольку любые такие особенности являются исключением из принципа равноправия субъектов Российской Федерации, изложенного в п. 1 ст. 5 Конституции РФ. Существует возможность распределения полномочий между Российской Федерацией и субъектами РФ на основании договоров, заключение которых на практике привело к значительной дифференциации конституционно-правового статуса различных

регионов Российской Федерации.

С учетом изложенного необходимо сказать, что в настоящее время предложения о негативном характере асимметрии федерального устройства России не должны приниматься за основу при реформировании федеративных отношений. Асимметрия федеративного устройства России не есть отрицательное явление: напротив, она несет в себе определенные положительные черты и в силу этого должна быть сохранена в федеративном устройстве нашего государства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.06.2017).

2. Саакян М. В. Асимметрия в структуре российского федерализма // The International Scientific and Practical Congress of Economists and Lawyers «Science engineering and economic paradigm of modern society». ISAE «Consilium», 2014.

УДК/UDC 349.2

Проблемы правового регулирования труда иностранных граждан в Российской Федерации

Сапфинова Аполлинария Александровна

доктор юридических наук, доцент ВАК, зав. кафедрой земельного, трудового и экологического права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

Шутько Денис Дмитриевич

студент магистратуры юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

e-mail: shutkodenis@icloud.com

Аннотация

В данной научной работе авторами были изучены различные источники правового регулирования труда работников являющихся иностранными гражданами в Российской Федерации, рассмотрены актуальные проблемы труда иммигрантов. Затрагивается деликтоспособность иностранных граждан, проведены анализ и сравнение их прав и обязанностей. Так как в современном мире набирает обороты процесс глобализации, современные трудовые отношения складываются с участием многих иностранных элементов в различных правовых и национальных системах, что в совокупности дает почву для размышлений о формировании мирового рынка труда.

Ключевые слова: рынок труда, иностранные граждане, иммигрант.

The Issues of Legal Regulation of Foreign Citizens' Labour in the Russian Federation

Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna

Doctor of Law, VAK assistant professor, head of a chair of the Department of Land, Labour and Ecological Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

Shutko Denis Dmitriyevich

student in the master's programme of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: shutkodenis@icloud.com

Abstract

In the given scientific work, the authors examined different sources of legal regulation of foreign citizens' labour in the Russian Federation and topical problems of immigrants' labour. The article touches upon foreign citizens' delinquency, analyses and compares their rights and liabilities. As the modern world's globalisation process goes on, modern labour relationships are formed with many foreign elements participating in various legal and national systems, and all this combined gives the reason for speculation about world labour market formation.

Key words: labour market, foreign citizens, immigrant.

Возникающие в настоящее время внешне- и внутривнутриполитические процессы, обусловленные проблематикой в экономической, социальной и демографической сферах, оказывают сильное воздействие на весь рынок российского труда. Рынок, в свою очередь, оказывает прямое воздействие на экономику, внутреннюю и внешнюю политику, демографическое и социальное развитие [1].

Экономические проблемы, которые вызваны присутствием огромного количества нелегальных мигрантов на территории России, очевидны. Нелегальные мигранты уклоняются от исполнения обязательств по уплате налогов и сборов, а также переводят большую часть заработной платы в страны, откуда они родом. На борьбу с нелегальной миграцией уходит огромное количество средств, а также масса сил [2].

Вместо того чтобы создавать благоприятные условия труда с высоким показателем уровня заработной платы для российских граждан, работодатели предпочитают использовать дешёвый рабочий труд мигрантов, что, соответственно, увеличивает уровень безработицы среди коренного населения а также замедляет развитие производства.

Нелегальная миграция вызывает огромное количество социальных проблем. Так, например, отсутствие медицинского обслуживания, благоприятных жилищных условий создаёт угрозу возникновения многих заболеваний.

В основном в Российскую Федерацию едут для дальнейшего трудоустройства граждане стран Содружества Независимых Государств. Заработная плата позволяет мигрантам безбедно жить у себя на родине, а также содержать свои семьи.

Большая часть экономики таких азиатских стран, как Республика Таджикистан и Кыргызская Республика, зависит от притока средств из России.

Таким образом, разрешение проблем российского рынка труда нужно рассматривать как основу выхода страны из создавшегося сильного кризиса и дальнейших успехов в экономическом и социальном развитии.

Одной из самых главных проблем отечественного рынка труда является массовый приток нелегальных мигрантов, возникший в конце прошлого века и обострившийся в последнее время. Нелегальная иммиграция, расширяя скрытый рынок труда, сужает официальный рынок. Причина этого явления заключается в отсутствии эффективной и чёткой государственной политики в области миграции, недостаточной репутации взаимоотношений Российской Федерации с государствами нового зарубежья, а также в новизне миграционной проблемы для Российской Федерации, которая не имеет ранее соответствующего опыта её действенного разрешения. На сегодняшний день проблеме международной миграции уделяется недостаточно много внимания [3].

Только в 2015 году был введён запрет на въезд в Российскую Федерацию без заграничного паспорта для граждан Содружества Независимых Государств. При этом в некоторых странах Средней Азии не предусмотрен въезд на их территорию и выезд по заграничному паспорту. Граждане таких государств пользуются удостоверением личности.

В 2013 году было запрещено находиться без разрешения на про-

живание дольше трёх месяцев за полугодие. Но по-прежнему с этими странами (кроме Туркменистана) отсутствует визовый режим. Поэтому объективно отследить путь каждого из пересекающих границу лиц нет возможности.

Частью правовой системы России являются международные договоры, а также общепризнанные принципы и нормы международного права. Российское трудовое законодательство исходит из применения национального режима, который заключается в том, что иностранные граждане пользуются правами наравне с гражданами России. На иностранных граждан также распространяются все общие нормы трудового законодательства России. Запрещается дискриминация иностранных граждан по признакам языка, расы, пола, национальности, вероисповедания и т. д.

Из ограничительных мер, которые были приняты в 2016–2017 годах, можно назвать повышение стоимости государственной пошлины при оформлении документов в Управлении по вопросам миграции МВД России и увеличение срока с трёх до десяти лет, в течение которого депортированным нелегальным мигрантам запрещено пересекать государственную границу России. Как на практике будут работать нововведения, покажет время.

Действующие ограничения, применяемые законодательством другой страны на трудовую деятельность, не признаются российским законодательством. Помимо этого иностранные граждане имеют права на получение социальных пособий, на отдых. К ним применяются нормы об охране труда, особенности регулирования труда женщин, лиц с семейными положениями, работников в возрасте до восемнадцати лет.

В соответствии с п. 6 ст. 13 Федерального закона РФ от 25.07.2002 №115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [4] временно проживающие на территории России иностранные граждане могут осуществлять трудовую деятельность только в пределах того субъекта, на территории которого им разрешено временное проживание.

Согласно ст. 5 Федерального закона от 24 июля 1998 г. №125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» иностранные лица и лица без гражданства подлежат обязательному социальному страхованию от профессиональных заболеваний (несчастных случаев на производстве). Следует отметить, что положения данного закона не содержат ограничений в связи с их правовым положением в России [5].

Помимо этого на иностранных граждан распространяется положение ст. 91 Трудового кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой продолжительность рабочего времени, закрепляемая в трудовом договоре, не может превышать сорока часов в неделю [6].

Большое значение в регулировании миграционных проблем занимает Федеральный закон РФ от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве» [7], который устранил нечёткость критериев, по которым приобретается российское гражданство и упорядочил саму процедуру приобретения российского гражданства.

Одно из важных нововведений действующего законодательства предоставляет право на получение российского гражданства иностранным работникам «при условии непрерывного проживания на территории России в течение пяти лет со дня получения вида на жительство (допускается ежегодное временное отсутствие в течение трёх месяцев)».

Последние несколько политических и экономических событий, происходящие в мире, в том числе и на Украине, обостряют возникшие проблемы. Особое внимание уделяется трудовым правам беженцев и лицам, которым предоставлено право на получение политического убежища. Данные лица в правовом отношении уравниваются с постоянно проживающими в России иностранными гражданами. Им предоставляются такие же права, как российским гражданам, кроме случаев, которые специально предусмотрены отечественным законодательством, в частности ограничений иностранным гражданам занимать определённые профессии и должности.

Для работодателя, который принимает на работу лиц данной ка-

тегории, не требуется специального разрешения. Органы государства должны оказать беженцам помощь в трудоустройстве, оказать содействие в профессиональной подготовке. Работодателям предоставляются дополнительные налоговые льготы и компенсации.

Отраслевая направленность трудовой иммиграции также однозначна. Иностранцы работники в основном заняты в отрасли производства, на предприятиях с тяжёлыми условиями труда, в тяжёлых климатических условиях, где нет достаточного количества местных кадров. Потребность в кадрах здесь стабильна даже в условиях кризиса, и именно здесь наибольшие перспективы для иммиграции в Россию.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что в России иммигрантское давление на рынок труда не жёсткое, поскольку темпы роста количества иммигрантов ниже роста уровня безработицы. Это давление слабее в неблагополучных регионах. Иными словами, давление иностранной рабочей силы оказывает влияние на рынок труда России, но не является главной проблемой, а существует вместе с законодательными и политическими проблемами.

Список литературы

1. Шинкарецкая Г. Г. Роль международного права в отборе норм для применения в России / Г. Г. Шинкарецкая // Государство и право. 2014. № 1. С.93–100.
2. Бекашев Д. К. Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции: монография / Д. К. Бекашев, Д. В. Иванов. М.: Проспект, 2013. 392 с.
3. Об установлении на 2015 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в отдельных видах экономической деятельности на территории Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 19.12.2014 № 1420 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 1 (часть II). Ст. 220.
4. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 25.07.2002 № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.
5. Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: Федеральный закон от 24 июля 1998 г.

№125-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3803.

6. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

7. О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031.

УДК/UDC 34.043

Анализ понятий «лицензия» и «лицензионный договор» в гражданском праве

Фруслов Данил Геннадьевич

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Грубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: fess-danil@bk.ru

Аннотация

Введение в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации и последующее преобразование гражданского законодательства посредством внесения изменений и дополнений в часть четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации повысило значение лицензионного договора как способа регулирования права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации между участниками гражданских правоотношений. Однако несмотря на наличие нормативно закрепленного определения «лицензионный договор», наличие в науке гражданского права различных доктринальных определений свидетельствует о том, что тема данного исследования не утратила своей актуальности и развитие гражданского законодательства не стоит на месте. В этой статье автором исследуются определения, данные известными учеными в области гражданского права, и делается вывод о том, что наличие специального законодательного определения «лицензионный договор» — это огромный шаг вперед в развитии гражданского права в России. Также автор считает, что несмотря на наличие нормативного определения «лицензионный договор», существование иных доктринальных определений позволяет развивать и совершенствовать законодательство в области регулирования прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Ключевые слова: лицензия, лицензионный договор, права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Analysis of the Notions of License and License Agreement in the Civil Law

Fruslov Danil Gennadyevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: fess-danil@bk.ru

Abstract

Implementation of the Part IV of the Civil Code of the Russian Federation and the subsequent transformation of civil legislation by the alterations and supplements into the Part IV of the Russian Civil Code increased the importance of the licensed contract as a way to regulate the rights to the results of intellectual activity and individualisation resources between the parties to a civil legal relationship. However, despite the presence of a legislatively fixed notion of license agreement, the existence of different doctoral concepts in civil law science shows that the topic of the given research has not lost its relevance and the development of the civil legislation is not in stagnation. In this article, the author explores the concepts and data of the famous scientists in the area of the civil law and makes a conclusion that the existence of the special legal concept of license agreement is a huge step forward in the Russian civil law. The author also thinks that despite the presence of the legislatively fixed notion of license agreement the other doctoral concepts may let to develop and improve the legislation in the field of regulation of the rights to intellectual activity results and individualisation resources.

Key words: license, license agreement, rights to the results of intellectual activity and individualisation resources.

Слово «лицензия» происходит от латинского *licentia*, что означает «разрешение». Это понятие в современной российской правовой системе используется в нескольких значениях, а именно:

- 1) под лицензией понимается документ, который предоставляет право на ведение какой-либо определенной деятельности (освоение месторождений полезных ископаемых, строительство, охота и др.) или разрешение на осуществление специальной тор-

говой деятельности в определенных областях, в том числе и на осуществление внешнеторговой деятельности;

- 2) разрешение на право использования, предоставляемое физическим или юридическим лицом (лицензиаром, обладателем исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации) лицензиату на основании лицензионного договора.

В данной статье нас интересует значение слова «лицензия» как разрешение на использование результата интеллектуальной деятельности.

Как писал в своих работах К. П. Победоносцев, «договор — это сознательное соглашение нескольких лиц, в котором все они совместно изъявляют свою волю для того, чтобы определить между собою юридическое отношение, в личном своем интересе по имуществу» [1].

На наш взгляд, доктринальные определения договора в науке гражданского права применимы также и к лицензионному договору, потому что они входят в общую систему гражданско-правовых договоров. С. П. Гришаев отмечает, что «лицензионный договор имеет схожие черты с такими классическими договорами, как договор найма или купли-продажи» [2].

Особенность лицензионного договора заключается прежде всего в том, что исключительное право по такому договору не отчуждается, и другой стороне лишь предоставляются отдельные права на определенных в договоре или законе условиях. Из-за такой особенности в науке также часто говорят о сходстве лицензионного договора и договора аренды, так как за лицензиаром сохраняется исключительное право, которое, образно говоря, становится «обремененным» лицензионным договором — на определенных условиях и в пределах, установленных договором, лицензиат становится правообладателем, а также должником по отношению к лицензиару [3].

О. А. Рузакова характеризует лицензионный договор следующим образом:

- целью лицензионного договора является передача другим лицам

- исключительных прав в пределах, которые разрешены лицензиаром, при этом лицензиат может выступать субъектом хозяйственной деятельности, в рамках которой допускается использование охраняемого объекта;
- по лицензионному договору исключительное право предоставляется на определенных условиях, а не отчуждается;
 - за лицензиаром сохраняется исключительное право, и это право обременяется лицензионным договором;
 - лицензиат становится правообладателем на определенных условиях и в пределах, устанавливаемых договором, и должником по отношению к лицензиару;
 - лицензиат имеет право предоставлять приобретенные права другим лицам только в случаях, прямо предусмотренных договором.
 - существенными условиями лицензионного договора являются условия о характере передаваемых прав, способах их использования, территории действия передаваемых прав, а также срок, на который передаются права;
 - лицензионные договоры являются возмездными; исключения составляют случаи приобретения исключительных прав без права предоставления другим лицам и без цели коммерческого использования [4].

С точки зрения В. А. Шуваева лицензионный договор имеет следующие основные признаки:

- объекты договора имеют нематериальную природу, что отличает лицензионный договор от других гражданско-правовых договоров, которые направлены на распоряжение объектами материального мира (аренды, найма, купли-продажи);
- направленность действий сторон на предоставление права использования результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, составляющими предмет лицензионного договора, вне зависимости от цели такого использова-

ния, позволяет разграничить лицензионный договор и договор коммерческой концессии;

- временный (срочный) характер лицензионного договора, отличающий его от договора отчуждения исключительного права, который предполагает смену правообладателя [5].

Е. Наумова приходит к выводу, что главным отличием лицензионного договора, которое позволяет отграничить его от иных гражданско-правовых договоров, оформляющих переход прав, заключается в том, что такая передача права носит временный (срочный) и возвратный характер [6].

Именно связанность сторон комплексом взаимных прав и обязанностей, которые потом вернутся в первоначальное положение, является сущностным отличием лицензионного договора от договора об отчуждении исключительного права.

Нормативное же определение лицензионного договора определено законодателем в п. 1 ст. 1235 ГК РФ: «По лицензионному договору одна сторона — обладатель исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования такого результата или такого средства в предусмотренных договором пределах» [7].

В данной статье мы провели анализ нескольких точек зрения различных авторов относительно понятия лицензия и лицензионный договор в гражданском праве. И мы согласны с точкой зрения С. П. Гришаева, согласно которой наличие специального законодательного определения лицензионного договора есть «серьезный шаг вперед на пути преодоления так называемого состояния законодательной раздробленности». Мы также считаем, что несмотря на наличие нормативного определения «лицензионный договор», существование иных доктринальных определений позволяет развивать и совершенствовать законодательство в области регулирования права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Список литературы

1. Победоносцев К. П. Курс гражданского права / Под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало. 2003. 608 с.
2. Гришаев С. П. Договор об отчуждении исключительного права и лицензионный договор в патентном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 5. С. 32.
3. Александров Е. Б. Особенности гражданско-правового регулирования договора патентной лицензии / автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 22 с.
4. Рузакова О. А. Договоры о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами. Условия и порядок их прекращения и признания недействительными // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. М., 2008, № 5. С. 49–57.
5. Шуваев В. А. Гражданско-правовое регулирование лицензионного договора на использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 43 с.
6. Наумова Е. Ответственность автора по лицензионному договору // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2010. № 3. С. 50–56
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон РФ от 18.12.2006 № 231-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52. Ст. 5496.

UDC 347.45/.47

A Comparative Analysis of the Provisions of the Corporate Contract in Russia and Foreign Legal Systems

Usenko Anatoliy Sergeevich
editor of Polymathis Scientific Journal
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: ceo@polymathis.ru
SPIN code=9594-2433

Baturyan Margarita Avetisovna
Candidate of Philology, assistant professor
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: margarita_baturyan@mail.ru

Abstract

Legal consolidation of the corporate agreement institution in the Civil Code of the Russian Federation allowed the participants of business companies to implement and manage corporate rights in accordance with this agreement. A comparative analysis of the provisions of the corporate contract in Russia and foreign legal systems will allow us to develop this institution in the national corporate law and to prevent possible conflicts and disagreements on the content of a corporate contract between its members and third parties. Thus, corporate agreements have different contents in the Anglo-American, continental European and Russian corporate law. The resolution of many conflicts and gaps in foreign corporate law are the basis of many years of judicial practice and the current Anglo-American and continental European legal systems. However, the current situation of the institutes of corporate law in Russia is developing in accordance with economic basis and fully focuses on the model of the corporate contract of foreign laws which does not seem appropriate. Certainly, future models of Russian corporate law institutions should be guided by international practice as well, in particular, a number of provisions of the European civil law should be taken as its basis.

Key words: contract, corporate agreement, corporation, obligation, legal nature.

A comparative analysis of the provisions of the corporate contract in Russia and foreign legal systems will allow us to develop this institution in the national corporate law and to prevent possible conflicts and disagreements on the content of a corporate contract between its members and third parties.

Development of corporate relations in the Anglo-American and continental European legal systems started to be formed long before their appearance in the Russian civil law. So, the first mention of corporate contracts can be found in the decisions of the English courts of the 19th century [1, p. 224]. For example, in the case *Re Peveril Gold Mines Ltd* the obligation not to carry out the liquidation of the company, until all the conditions of the corporate agreement entered into between the shareholder and the company are met, was established [2, p. 745–746].

Initially, such agreements were a constituent document (Charter of Incorporation). It was only with the adoption of the Companies Act and Limited Liability Act that the Anglo-Saxon doctrine of the corporate law began to define the corporate attitude to the relationship between shareholders and the relationship between the Corporation and the shareholders. These consolidations gave rise to the duality of the corporate contract which was previously considered the founding deal [3].

In the modern sense, the Anglo-American concept of the corporate contract is constructed in such a way that allows to change the provisions of the Charter of the Corporation without complying with specially established procedure. So, for example, art. 17 of the Companies Act 2006 (Royal Assent on 8th November 2006) [4] and paragraph 7.32 of the Model Business Corporation Act 2002 [5] provide an opportunity, by joint agreements, to limit the powers of the Board of Directors, to establish the types of stocks, to model the corporate structure that is different from the statutory structure, to provide “enhanced voting rights” to certain shareholders etc.

At the same time, in the Corporate Contract Law of the United

Kingdom there is the possibility of such an agreement in oral form but, in practice, such agreements are usually in written form [6]. Unlike the Anglo-American model, the European joint agreements are purely civil law contracts [7, p. 176]. Such contracts shall comply with the provisions of the law, statutes and special regulations of the record keeping (the law of the higher rank).

However, Anglo-American and continental European corporate relations, in terms of content, differ significantly from the Russian corporate agreements in the view of the peculiarities of the legal systems and customary practices of each particular state.

So, the participants in the Western European corporation agreement are members of the Association of capital, i.e. shareholders, trading participants and other partnerships. Such shareholders are granted the right to enter into contracts that define the joint vote and do not provide a reciprocal influence on corporate activities. In fact, these are the contracts on the rights of shareholders only to vote [8].

Members of the French agreements are only shareholders provided with voting rights on specific meetings. In addition, they have a number of serious rights restrictions [9].

In the Swiss Confederation, parties to such agreements are small joint-stock companies.

In the Federal Republic of Germany, parties to such agreements are, as a rule, members of the society. The agreement of the parties determines the formation of the will of the Corporation (business entity) [10, p. 164].

In many countries, there is a possibility for the participants of the business entities to conclude the corporate contracts as free contracts.

The participants of the corporate contract of the business entity of Russia are free to exercise their corporate rights to manage this entity and to dispose of their corporate property consistently. This enterprise agreement does not obligate the parties that have opposite interests and purposes to enter into a contract independently from each other, to execute their responsibilities for implementation of actions of property character, of the termination of the obligation executed properly, for example, in the transfer

of property and other actions, as well as in the occurrence property liability.

Swiss legislation establishes the freedom of enterprise of the contract within the law. However, free contracts may not be for an indefinite period and shall not contradict to good morals.

In Germany, regardless of the validity of the general civil principle of freedom of contract, freedom to enter into corporate contracts is limited. By virtue of paragraph 136 (2) of the Act on Joint-Stock Companies in Germany of 6th September 1965, the provisions of the corporate agreement must not contradict the interests of the company. For example, the Supreme Court of Germany by the decision of 1994 recognized corporate contract null and void in terms of determining the price of the shares disposed in accordance with the contracts preemptive right to purchase because the price was below market [11].

In US corporate law develops the practice of signing corporate agreements with the members of private corporations because their members are also members of the Board of Directors. The agreements are in the nature of corporate secrets.

These agreements provide for certain restrictions on the freedom in decision-making by the members of the Board of Directors. This is a violation of American corporate law because the Board of Directors but not members of the Corporation Affairs are being conducted [11].

For example, in the course of the proceedings in the State Court of New York has been found that three members of the closed Corporation entered into an agreement under which one of them was entitled and obliged to manage all Affairs of the Corporation over the next nineteen years [12, p. 90]. With the decision of the court was established the disparity of the agreement to the relevant law, since the implementation of management exclusively by the Board of Directors of the Corporation is illegal. However, the court did not take into account the lack of harm caused. In other cases, US courts agree that the management of the Corporation will be conducted by one person—the Director and the General Manager indefinitely [13, p. 247–48]. The court found such restrictions on the freedom of action of the Board of

Directors “irrelevant”. Taking these decisions, the court proceeded from the terms of the agreement, which provides for the possibility of revocation by the Board of Directors, consisting only of two participants in connection with the improper performance of their duties, or discovered the shortcomings of the qualification.

Based on the analysis of practice, we can conclude that the US judicial system does not take the position of the endless recognition of all corporate agreements that contradict or supersede corporate law.

Paragraph 3 of article 67.2 of the Civil Code establishes that the information content of the corporate agreement is not subject to disclosure and is confidential [14].

The duty of the parties to the corporate contract is only the need of notifying the company about the fact of its conclusion. Another duty is provided for parties of a public company. They are obliged to disclose the information about its contents, but only to the extent, manner and conditions provided by law.

In public joint stock companies the information on corporate agreements must be disclosed to the extent, manner and conditions provided by law [15].

The current Russian legislation in article 67.2 of the Civil Code makes it inaccessible to third parties the fact of the conclusion of the corporate contract and its contents. For investors of public corporations the information of consolidation of corporate control should be disclosed at the conclusion of such contract. However, the text of the contract is not provided to them.

Among the German participants of commercial turnover the corporate agreements are popular. This popularity is due to the fact that corporate agreements remain unknown to third parties. In other words, the members of the Corporation keep their relationships in secret. Such confidentiality is a risk to third parties. However, German law sets certain conditions for the disclosure of the content of corporate agreements [16].

There is another position with the contents of shareholder agreements in France.

Corporate agreements are known throughout the society as a whole, as well as the authority of control and supervision of financial risks.

Corporate agreements have the same popularity in the Swiss Confederation as in Germany. Corporate agreements are made between participants in small private and not public joint stock companies. The duty to disclose certain information is placed on participants of the shareholders' agreements [17].

In Anglo-American law on corporations, corporate agreements, which are concluded by the participants of the public companies, are mostly accessible to any third parties. But in Anglo-American law the content of corporate agreements is available in all companies [16].

Thus, corporate agreements have different contents in the Anglo-American, continental European and Russian corporate law. The resolution of many conflicts and gaps in foreign corporate law are the basis of many years of judicial practice and the current Anglo-American and continental European legal systems. However, the current situation of the institutes of corporate law in Russia is developing in accordance with economic basis and fully focuses on the model of the corporate contract of foreign laws which does not seem appropriate. Certainly, future models of Russian corporate law institutions should be guided by international practice as well, in particular, a number of provisions of the European civil law should be taken as its basis.

References

1. Kaminka, A. I. (1901). *Aktsionernyye kompanii: yuridicheskoye issledovaniye [Stock Companies: a Legal Study]*. Saint-Petersburg: Tipografiya Landau Ye. A. In Russian.
2. Sealy, L & Worthington, S. (2007). *Cases and Materials in Company Law*. London: Oxford University Press.
3. Varyushin, M. S. (2013). Genезis i evolyutsiya korporativnykh dogovorov v korporativnom prave Anglii i SShA [Genesis and Evolution of Corporate Contracts in the Corporate Law of England and USA]. *Zakonodatelstvo i ekonomika*, 2013(9). In Russian.
4. Companies Act 2006 (2006). *Legislation.gov.uk*. Retrieved 03 June, 2017, from <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents>

5. Model Business Corporation Act (2002). *American Bar Foundation*. Retrieved 03 June, 2017, from http://www.lexisnexis.com/documents/pdf/20080618091347_large.pdf
6. Masayev, I. A. (2015). Sravnitelnyy analiz ponyatiya «korporativnyy dogovor» v Rossii i Soyedinennom korolevstve Velikobritanii i Severnoy Irlandii [A Comparative Analysis of the Notion of Corporate Contract in Russia and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland]. *Pravo i sovremennyye gosudarstva*, 2015(1), 63–67. In Russian.
7. Sukhanov, Ye. A. (2011). Ocherk sravnitel'nogo korporativnogo prava [An Essay on Comparative Corporate Law]. In *Problemy razvitiya chastnogo prava* (pp. 156–198). Moscow: Statut. In Russian.
8. Sukhanov, Ye. A. (2011). Sravnitel'noye korporativnoye pravo [Comparative Corporate Law]. Moscow: Statut. In Russian.
9. Aliev, T. T. (2015). O sushchnosti i pravovoy prirode korporativnogo dogovora [On the Essence of Legal Nature of Corporate Contract]. *Grazhdanskoye pravo*, 2015(1), 19–22. In Russian.
10. *Zakon ob aktsionernykh obshchestvakh Germanii: Parallelnyye ruskiy. i nemetskiy teksty* [Law on German Stock-Companies: Parallel Russian and German Texts] (2009). Moscow: Wolters Kluwer. In Russian and German.
11. Sukhanov, Ye. A. (2014). Amerikanskiye korporatsii v Rossiyskom prave (o novoy redaktsii gl. 4 GK RF) [American Corporations in Russian Law (on the New Edition of Chapter 4 of Russian Civil Code)]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 14(5), 7–24. In Russian.
12. Merkt H., & Göthel S. R. (2006). US-amerikanisches Gesellschaftsrecht. Frankfurt am Main: Verlag Recht und Wirtschaft.
13. Merkt, H., & Spindler, G. (2006). Fallgruppen der Durchgriffshaftung und verwandte Rechtsfiguren. *Zeitschrift Für Unternehmens-Und Gesellschaftsrecht*, 2006(17).
14. The Civil Code of the Russian Federation (Part I): Federal Law of Russia of 30 November 1994 No. 51-FZ. *Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii*, 1994(32).
15. Federal Law of Russia of 26 December 1995 No. 208-FZ “On Joint Stock Companies”. *Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii*, 1996(1).
16. Engert, A. (2006). Kapitalgesellschaften ohne gesetzliches Kapital: Lehren aus dem US-amerikanischen Recht. *Zeitschrift Für Unternehmens-Und Gesellschaftsrecht*, 2006(17).

УДК/UDC 339.9

Агробизнес в условиях глобальной экономики

Богдасарова Тамара Иосифовна

студентка экономического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: bogdasarova95@mail.ru

Аннотация

Глобализация экономики является одной из закономерностей мирового развития. Процесс мировой глобализации оказывает существенное воздействие на аграрный бизнес, прежде всего посредством международной торговли. В данной научной работе автор анализирует понятие «глобализация». Делается вывод, что глобализация — это процесс воспроизводственной трансформации национальных экономик и их хозяйствующих структур, товаров, услуг, ценных бумаг, капитала, рабочей силы. Рассматриваются основные проблемы предпринимательской деятельности в области аграрного бизнеса. Автор приходит к выводу, что на сегодняшний день нет единого, универсального решения аграрного вопроса, как и универсального пути развития сельского хозяйства. Растущий уровень глобализации оказывает существенное воздействие на проблематику продовольственной самообеспеченности. По мнению автора, особое воздействие на аграрный сектор экономики могут оказать институциональные реформы, также особое внимание следует уделить вопросу защиты прав собственности и борьбы с коррупцией. Рассматривается вопрос развития аграрного бизнеса на территории Краснодарского края. Автор отмечает, что для устранения препятствий в развитии аграрного бизнеса на территории Краснодарского края необходимо активизировать инвестиции, что приведет к увеличению посевных площадей и валового сбора урожая.

Ключевые слова: аграрный бизнес, глобализация, международная торговля.

Agribusiness Under Global Economy

Bogdasarova Tamara Iosifovna
student of the Faculty of Economics
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: bogdasarova95@mail.ru

Abstract

Economy globalisation is the one of the regularities of the world's development. World globalisation process renders a significant influence on agricultural business, first of all, by means of international trade. In the given article, the author analyses the concept of globalisation and concludes that globalisation is the process of reproductive transformation of national economies and their managing structures, products, services, capital, labour force. The main problems of enterprise activity in the agricultural business area are considered in the article. The author comes to the conclusion that today there is no uniform and universal solution for the agricultural issue, as well as there is no universal development plan for agriculture. The rising level of globalisation makes a significant influence on the food self-sufficiency problems. In the author's opinion, institutional reforms can render a special influence on the agrarian economy sector. A special attention should also be paid to the issue of property protection and anti-corruption drive. The author considers the issue of agribusiness development on the territory of Krasnodar Krai. The author notes that in order to eliminate barriers for agribusiness development on the territory of Krasnodar Krai, it is necessary to promote investments which will lead to increasing of cultivated area and croppage.

Key words: agricultural business, globalization, international trade.

В настоящее время существует множество толкований термина «глобализация». На наш взгляд, наиболее полное понятие дается в работах Э. Г. Кочетова. Так, под глобализацией данный учёный понимает процесс воспроизводственной трансформации национальных экономик, а также их хозяйствующих структур, товаров, услуг, ценных бумаг, капитала, рабочей силы. При этой трансформации мировую экономику следует рассматривать как единое геофинансовое (геоэкономическое) пространство, которое функционирует по своим законам [1].

По мнению А. В. Шраера и Л. В. Хоревой., в результате процессов глобализации сложился международный рынок факторов и результатов производства [2].

Действительно, развитие любого сектора рыночной экономики зависит прежде всего от мировых глобализационных процессов. Такие действия могут привести:

- во-первых, к изменениям в сфере мирового производственного процесса;
- во-вторых, к ускорению интернационализации деятельности хозяйствующих субъектов;
- в-третьих, к углублению международного разделения труда [3].

Мировая глобализация оказывает существенное воздействие, прежде всего посредством международной торговли, на предпринимательскую деятельность в области сельского хозяйства, т. е. на так называемый аграрный бизнес, или агробизнес.

Аграрный бизнес представляет собой продукт международной интеграции. Он связывает в единое целое все хозяйственные единицы и звенья, которые принимают участие в интегрированном процессе производства сельскохозяйственной продукции и его перемещения от производителя к потребителю [4].

В настоящее время в Российской Федерации предпринимательская деятельность в области аграрного бизнеса сталкивается с рядом проблем.

Во-первых, это растущая конкуренция других стран с развитым отечественным сельскохозяйственным производством.

Во-вторых, доминирующее положение производственной и сбытовой ориентации сельскохозяйственных товаропроизводителей без учёта проблем мирового рынка. Отсюда вытекает проблема роста нестабильности производственного рынка, обусловленная зависимостью сельского хозяйства от экспортной продукции.

В-третьих, недостаточность консервации и сохранения земельных участков, увеличение расходов в производстве сельскохозяйственной продукции.

Согласно мнению большинства учёных, изучающих данный вопрос, на сегодняшний день нет единого, универсального решения аграрного вопроса, как и универсального пути развития сельского хозяйства. Растущий уровень глобализации оказывает существенное воздействие на проблематику продовольственной самообеспеченности.

Однако, на наш взгляд, особое воздействие на аграрный сектор экономики могут оказать институциональные реформы, также пристальное внимание следует уделить вопросу защиты прав собственности и борьбы с коррупцией.

Несомненно, сегодня аграрный бизнес является отраслью стратегического значения, поскольку его устойчивое развитие определяет не только получение прибыли от осуществления предпринимательской деятельности, но и обеспечение национальной, а также продовольственной безопасности государства и регионов.

Одним из регионов, реализующим положения Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации [5], выступает Краснодарский край.

Так, по официальным статистическим данным, в Краснодарском крае производится более 7,5% валовой сельскохозяйственной продукции России. В 2016 году в Краснодарском крае было собрано более 10,1 миллиона тонн зернобобовых и зерновых культур, что на 3,5% превышает урожайность 2015 года в 9,81 миллиона тонн [6].

К сожалению, остаётся ряд нерешённых проблем в развитии сельского хозяйства, в осуществлении аграрного бизнеса на территории Краснодарского края. Так, например, отсутствует государственная поддержка крестьянских (фермерских) хозяйств, личных подсобных хозяйств, сельскохозяйственных потребительских кооперативов.

Видна явная необходимость активизации инвестиций в сельское хозяйство, а также сельскохозяйственных товаропроизводителей; увеличения посевных площадей, валового сбора урожая на территории Краснодарского края.

Также немаловажное значение в осуществлении предприниматель-

ской деятельности в части сельского хозяйства на территории Краснодарского края имеет использование современных маркетинговых технологий.

По справедливому мнению О. В. Гайдаенко, агропромышленным предприятиям наиболее доступен кросс-маркетинг. При этом под кросс-маркетингом следует понимать совместное продвижение товаров, работ, услуг несколькими компаниями, продукция которых дополняет друг друга [7].

На наш взгляд, использование именно такой маркетинговой технологии, как кросс-маркетинг, позволит сельскохозяйственным товаропроизводителям:

- сократить расходы на проведение рекламных акций;
- увеличить охват потребительского рынка;
- установить сотрудничество между агропромышленными предприятиями и их контрагентами.

Список литературы

1. Кочетов Э. Г. Глобалистика. Теория, методология, практика. М.: НОРМА, 2002. С. 601.
2. Хорева Л. В., Шраер А. В. Влияние процесса глобализации экономики на международную торговлю услугами. СПб.: 2016. С. 5–30.
3. Международная торговля: учебник / Ю. В. Рагулина, Н. А. Завалько, В. О. Кожина. М.: Альфа-М: НИЦ ИНФРА-М, 2014.
4. Кожина О. В. Агробизнес в условиях глобализации экономики // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2016. № 1. С. 42–44.
5. Об утверждении доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 5. Ст. 502.
6. Краснодарский край бьет рекорды урожайности зерновых культур // НИА-Кубань URL: <http://23rus.org/index.php?UID=19565> (дата обращения: 20.06.2017).
7. Гайдаенко О. В. Актуальность применения кросс-маркетинга в агробизнесе // Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. 2012. № 13. С. 117–119.

УДК/UDC 333.1

Совершенствование системы мотивации в ООО «Джумайловское»

Бочарова Екатерина Алексеевна

студентка экономического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: ms.katya.b.96@mail.ru

Саенко Ирина Ивановна

кандидат экономических наук, доцент кафедры управления и маркетинга

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

Аннотация

Одним из способов повышения производительности труда, эффективного осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности является мотивация персонала. В данной статье авторами рассматриваются такие категории, как «мотивация» и «стимулирование трудовой деятельности». Процесс побуждения работников к активной трудовой деятельности, а также удовлетворение личных потребностей работников в теории управления персоналом называется мотивацией. Авторы приходят к выводу, что целью управления мотивацией и стимулированием работников для работодателя является экономическая эффективность организации, достижение финансовых результатов. Рассматриваются особенности стимулирования и мотивация трудовой деятельности в управлении персоналом на примере общества с ограниченной ответственностью «Джумайловское». Несмотря на развивающуюся систему стимулирования сотрудников, ООО «Джумайловское» столкнулось с проблемами недостаточно эффективного использования трудовых ресурсов. Деятельность общества с ограниченной ответственностью «Джумайловское» является рентабельной за периоды с 2016 по 2017 годы, однако несмотря на результативные показатели, мотивация работников находится не на должном уровне. По мнению авторов, в качестве способствующих методов повышения стимулирования труда общества с ограниченной ответственностью «Джумайловское» следует ввести льготное кредитование, социально-психологические методы, надбавки, демотивацию.

Ключевые слова: мотивация, стимулирование труда, теории мотивации, стимул, ООО «Джумайловское».

Improvement of the Incentive System of Dzhumaylovskoye

Bocharova Yekaterina Alekseyevna
student of the Faculty of Economics
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: ms.katya.b.96@mail.ru

Sayenko Irina Ivanovna
Candidate of Economics, assistant professor of the Department of Management and
Marketing
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Abstract

One of the ways of increasing labour productivity and effective realisation of business activity or another economic activity is personnel motivation. In this article, the authors deal with such categories as motivation and labour activity stimulation. In the personnel management theory, the process of staff motivation to make them work more actively and satisfaction their personal needs is called incentive. The authors come to the conclusion that the employer's aim in motivation management and staff stimulation is economic efficiency of the organisation and achievement of financial results. The authors consider the features of stimulation and motivation of labour activity in personnel management by the example of the limited liability company Dzhumaylovskoye. Despite having a developing system of staff stimulation, this organisation deals with such a problem as lack of efficiency in using its labour resources. Dzhumaylovskoye's activity is profitable for 2016–2017 period, however, in spite of the good indexes, staff motivation is not at a sufficient level. In the authors' opinion, Dzhumaylovskoye should introduce concessional loaning, social-psychological methods, perks, and demotivation as methods of staff stimulation.

Key words: motivation, trade stimulation, theories of motivation, stimulus, Dzhumaylovskoye.

Для эффективного осуществления как предпринимательской, так и иной экономической деятельности, для повышения производительности труда работодателю жизненно необходимо прибегать к мотивации и стимулированию своих работников.

Процесс побуждения работников к активной трудовой деятельности, удовлетворению личных потребностей работников в теории управления персоналом называется мотивацией.

Как справедливо отмечает В. В. Рассадин, под мотивацией следует понимать совокупность прочных мотивов, которые определяются ценностной ориентацией личности, ее характером, а также направляющей такую личность деятельностью [1].

Побудительной причиной к активной трудовой деятельности работников выступает стимул. Именно благодаря такому комплексу мер, как стимулирование труда, удовлетворяются по большей части материальные потребности работника.

На сегодняшний день в теории управления персоналом выделяют две основные концепции управления: содержательная и процессуальная теория мотивации (см. табл. 12) [2, 3].

Основные концепции управления

<p>Содержательная теория мотивации (идентификация положений, которые побуждают к определенному поведению во внутриличностной или рабочей среде)</p>	<p>Процессуальная теория мотивации (описывает процесс мотивации)</p>
<p>Иерархии (пирамида) потребностей А. Маслоу</p>	<p>Теория справедливости Дж. Адамса, комплексная теория ожидания справедливости Л. Потрета и Э. Лоулера</p>

Содержательная теория мотивации (идентификация положений, которые побуждают к определенному поведению во внутриличностной или рабочей среде)	Процессуальная теория мотивации (описывает процесс мотивации)
Параллельно-поступательное развитие потребностей — теория Л. Выготского, А. Леонтьева и Б. Ломоносова	Теория ожидания В. Врума
Двухфакторная теория гигиенических и мотивирующих факторов Ф. Герцберга	Социальная теория поведения в соответствии с опытом нормами социальной культуры
Потребность во власти, причастности, успехе — теория Д. Макклелланда	Теория X и Y Д. Макгрегора

Таблица 1

Таким образом, целью управления мотивацией и стимулированием работников для работодателя является экономическая эффективность организации, достижение финансовых результатов. В отличие от работодателей, целью мотивации и стимулирования труда для работников служит достижение определенных социальных благ. На примере ООО «Джумайловское» [4] рассмотрим мотивацию и стимулирование трудовой деятельности персонала в исследуемой компании.

Правовое положение общества регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным Законом РФ от 08.02.1998 «Об обществах с ограниченной ответственностью» [5, 6].

Штат сотрудников общества образуется согласно утвержденному генеральным директором ООО «Джумайловское» штатному расписанию.

По состоянию на 1 октября 2015 года среднесписочная численность

работников предприятия утверждена в составе 50 человек (единиц). На 1 января 2017, согласно штатному расписанию, численность работников составила 49 человек (см. рис. 3).

Изменение среднегодовой численности работников

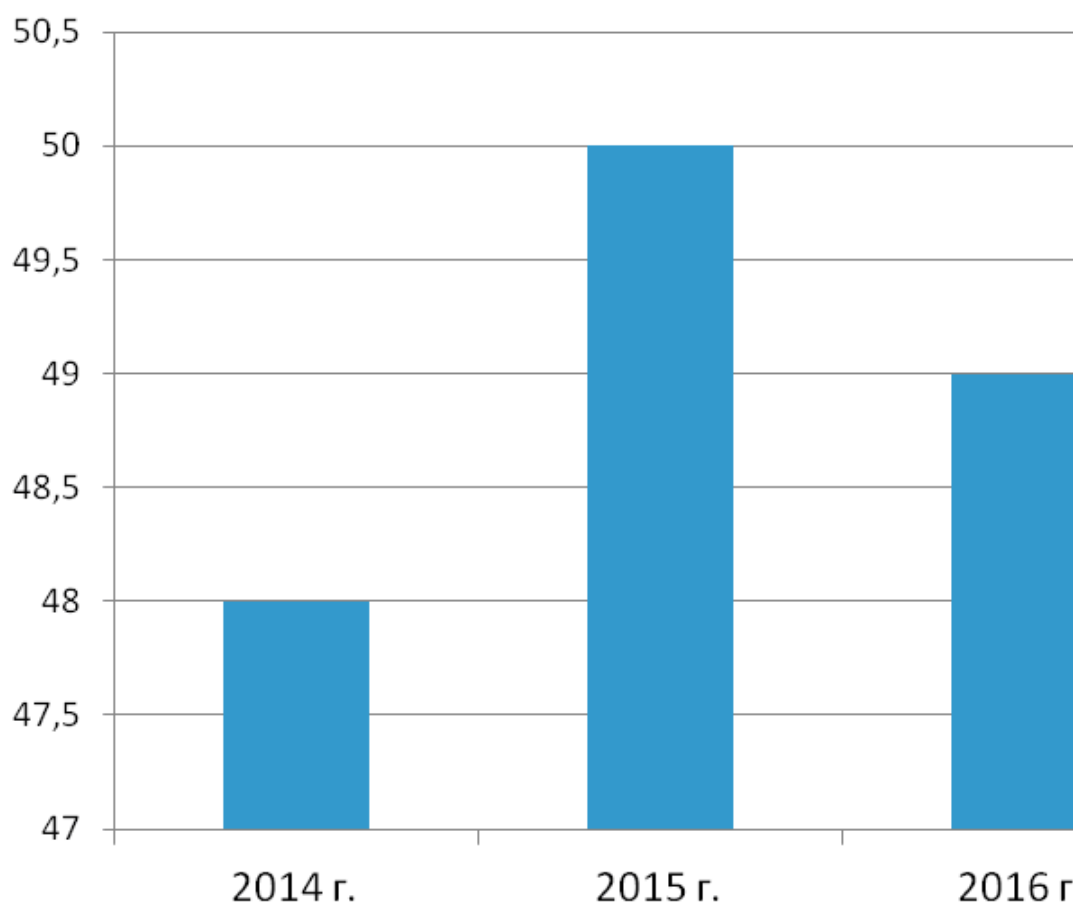

Рисунок 1

При этом доля руководителей, специалистов, служащих, в общей численности составляет 37%, на рабочих приходится 63% (см. табл. 5).

Изменение среднегодовой численности работников говорит о том, что они не заинтересованы в своей работе, что свидетельствует о недостаточной мотивации сотрудников.

Трудовые ресурсы ООО «Джумайловское»

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. в % к 2014 г.	Изменение 2016 г. к 2014 г.	
					Абсолютное (±)	Относительное (%)
Среднегодовая численность — всего, чел.	48	50	49	102	1	2,1
в т. ч.: работники, занятые в сельхозпроизводстве	48	50	49	102	1	2,1
в т. ч.: работники постоянные	38	40	37	97,4	-1	-2,6
из них: трактористы-машинисты	27	26	25	92,6	-2	-7,4
Служащие	10	10	12	120	2	20
из них: руководители	4	4	4	100	-	-
специалисты	6	6	8	133,3	2	33,3
Отработано, тыс. чел.-ч	79	78	72	91,1	-7	-8,9
Выработка среднегодовая одним работником, чел.-ч	1645,8	1560	1469,4	90,9	-176,4	-9,1
Коэффициент использования труда	0,722	0,684	0,644	89,2	-0,078	-10,8

Таблица 2

За исследуемый период в ООО «Джумайловское» Калининского района среднегодовая численность работников выросла на 2%, в основном, за счет увеличения служащих (см. табл. 6). Произошло уменьшение количества трактористов-машинистов на 2 чел. по сравнению с 2014 г. Следует отметить, что среднегодовая выработка одним работником снизилась на 9,1%, что привело к уменьшению коэффициента использования труда на 10,8%, который к 2016 г. составил 0,644.

Численность работников аппарата управления

Категория работников аппарата управления	Количество работников по годам, чел.			
	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2014 г., %
Руководители	4	4	4	100
Специалисты	6	6	8	133
Всего	10	10	12	120

Таблица 3

В ООО «Джумайловское» для мотивации сотрудников используются как финансовые, так и нефинансовые методы вознаграждения.

Однако несмотря на развивающуюся систему стимулирования сотрудников, организация столкнулась с проблемами недостаточно эффективного использования трудовых ресурсов.

В управлении персоналом ООО «Джумайловское» применяются следующие группы методов:

- 1) экономический метод управления: премирование работников по результатам осуществления трудовой деятельности;
- 2) организационно-административный метод управления: издание приказов, распоряжений при управлении текущей деятельностью организации;
- 3) социально-психологический метод: стимулирование труда работников посредством гарантированного предоставления социальных гарантий (больничные листы, выплаты пособий и т. п.), организации корпоративных праздников для сотрудников.

Деятельность ООО «Джумайловское» является рентабельной за периоды с 2016 по 2017 годы, однако несмотря на результативные показатели, мотивация работников находится не на должном уровне.

Оценка экономической эффективности существующей системы оплаты труда показала, что:

- работники не несут экономической ответственности за эффективность работы предприятия, не определены конкретные по-

казатели премирования менеджеров по направлениям деятельности;

- фонд экономического стимулирования в Обществе не образуется, и премирование осуществляется стихийно;
- низкая эффективность управленческих отношений, обусловленная тем, что инициатива и предприимчивость работников не поощряются, что значительно снижает заинтересованность и производительность труда;
- неполное использование способностей работников, отсутствие проработанной системы продвижения по службе и развития карьеры.

Таким образом, для формирования мотивации и стимулирования трудовой деятельности в ООО «Джумайловское» генеральному директору следовало бы придерживаться следующих правил:

- во-первых, необходимо определить цель, для которой нужен конкретный работник;
- во-вторых, необходимо разработать краткосрочные и долгосрочные планы мотивации, ориентируясь на внутренние и внешние факторы мотивации.

Генеральный директор ООО «Джумайловское» должен правильно воспринимать и настраивать сотрудников, избегать управленческих ошибок в части управления персоналом.

В качестве методов, которые способствовали бы повышению стимулирования труда ООО «Джумайловское» можно было бы предложить:

- 1) льготное кредитование (кредит под расписку 22%), что повлечет:
 - заинтересованность работников;
 - повышение производительности труда.
- 2) социально-психологические методы, которые повлекут за собой:
 - улучшение качества изделий;
 - более творческий подход и активность во внедрении до-

стижений НТП;

- повышенный приток сотрудников;
- повышение их работоспособности.

Для аппарата управления:

- 1) сотрудникам, которые долго работают, выдавать направления на обучение для ребенка за счет организации, а это тем самым повлечет за собой:
 - повышение квалификации;
 - рост карьеры;
- 2) надбавки, которые начисляются за конкретные заслуги или характеристики работника. Назначение таких надбавок — вознаграждать сотрудников за высокие профессиональные качества, вызвать у них желание совершенствоваться и дальше.

Также можно предложить внедрить демотивацию.

Демотивация — это система дисциплинарных наказаний, материальных взысканий и эмоциональных стрессов, дающих понять сотруднику, что он плохо справляется со своими обязанностями.

Особенность демотивации состоит в том, что при грамотной ее реализации она производит противоположный позитивный эффект, а именно:

- меняет отношение сотрудников к работе, заставляет задуматься об их пользе и роли в компании;
- воздействует на амбиции сотрудника, оказывает отрезвляющее стимулирующее действие.

Список литературы

1. Рассадин В. В. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности персонала // Труд и социальные отношения. 2008. № 3. С. 53–59.
2. Филатова А. В. Сущность и основные теории мотивации эффективности труда персонала // Основы экономики, управления и права. 2012. № 1. С. 126–138.
3. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб.: Питер, 2003. 352 с.
4. Выписка из единого государственного реестра юридических лиц: Сведения о юридическом лице Общество с ограниченной ответственностью «Джумайловское»

по состоянию на 25.03.2017.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

6. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон РФ от 08.02.1998 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.

УДК/UDC 330.322

Инвестиционная активность Краснодарского края на основе внедрения инноваций в агропроизводстве

Климова Наталья Владимировна

доктор экономических наук, профессор ВАК, профессор кафедры
институциональной экономики и инвестиционного менеджмента

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: nv_klimova@mail.ru

SPIN-код: 5831-7540

Трубачева Елена Андреевна

магистрант экономического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: lena.trubacheva@mail.ru

SPIN-код: 1812-2158

Аннотация

В данной работе отображена общая характеристика современного состояния инвестиционной деятельности Краснодарского края и основные тенденции её развития. Определены ключевые проблемы, препятствующие нормальному функционированию инвестиционной деятельности, предложены мероприятия по их нейтрализации. Раскрыта сущность и роль инновационных ресурсосберегающих технологий как главного фактора экономического роста агропромышленного комплекса. Представлены результаты расчета экономической эффективности использования инновационных ресурсосберегающих технологий на примере внедрения элементов системы точного земледелия, позволяющего значительно улучшить качество и увеличить урожайность растениеводческой продукции Краснодарского края и в результате усилить инвестиционную привлекательность региона, достичь независимости российского сельхозтоваропроизводителя от импортной продукции и тем самым привести к самообеспечению населения собственной продукцией растениеводства.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, инновации, ресурсосберегающие технологии, точное земледелие, минеральные удобрения, урожайность, экономическая эффективность инвестиционных вложений.

Investment Activity of Krasnodar Krai Based on Implementation of Innovations in Agricultural Production

Klimova Natalya Vladimirovna

Doctor of Economics, VAK professor, professor of the Department of Institutional Economics and Investment Management

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: nv_klimova@mail.ru

SPIN code: 5831-7540

Trubacheva Yelena Andreyevna

student in the master's programme of the Faculty of Economics

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: lena.trubacheva@mail.ru

SPIN code: 1812-2158

Abstract

The general description of the current state of investment activity in Krasnodar Krai and the main development trends are reflected in this article. The key problems that impede the normal functioning of investment activity are identified in this work along with the measures for its neutralisation. The essence and role of innovative resource-saving technologies as the main factor of the economic growth of the agro-industrial complex are revealed. Results of calculating the economic efficiency of innovative resource-saving technologies are presented by using the example of the implementation of elements of the precision farming that allows to improve significantly the quality and increase the yield of crop production in Krasnodar Krai and, as a result, to strengthen the investment attractiveness of this region, achieve independence of the Russian agricultural producers from imported products and thus to lead to the self-sufficiency of the population by their own crop products.

Key words: investment activities, innovations, resource-saving technologies, precision agriculture, mineral fertilizers, yield, economic efficiency of investment investments.

Исследование проблем инвестирования экономики всегда находилось в центре внимания экономической науки. Это обусловлено тем, что инвестиции затрагивают основы хозяйственной деятельности, определяя процесс экономического роста в целом. В современных условиях они выступают важнейшим средством обеспечения условий выхода из сложившегося экономического кризиса, структурных сдвигов в народном хозяйстве, обеспечения технического прогресса, повышения качественных показателей хозяйственной деятельности на микро- и макроуровнях. Инвестиционная активность в реальном секторе экономики России является одним из наиболее действенных механизмов социально-экономических преобразований.

Геополитическое положение — главное преимущество Краснодарского края, присвоившее ему статус важнейшего региона РФ. Сегодня Кубань — это и мощный транспортный узел на Юге России, и крупнейший санаторно-туристический комплекс, и житница нашей страны. По данным большинства аналитических агентств, Краснодарский край обладает высоким потенциалом и незначительным инвестиционным риском, занимая одно из лидирующих мест по уровню инвестиционной привлекательности среди других регионов РФ. В настоящее время увеличению объёмов инвестиционной деятельности во многом способствует инвестиционная политика краевых властей. Министерство стратегического развития, инвестиций и внешнеэкономической деятельности Краснодарского края ведёт политику по повышению инвестиционной привлекательности Кубани. Прежде всего это проявляется в том, что во всех международных ярмарках, выставках, форумах Краснодар принимает самое активное участие [1].

Краснодарский край занимает первое место по объёму инвестиционных вложений в основной капитал среди других субъектов, входящих в состав Южного федерального округа (табл. 1). Так, в 2016 г. размер

инвестиций составил 429 млрд руб., в то время как в республике Адыгея размер инвестиций составлял 15 млрд руб.

Объём инвестиций в основной капитал по федеральным округам, млн руб.

Субъект РФ	2014 г.	Уд. вес, %	2015 г.	Уд. вес, %	2016 г.	Уд. вес, %	2016 г. к 2014 г.	
							Абсолютное отклонение, ±	Темп роста, %
Российская Федерация	13902645	100	13897187	100	14639835	100	737190	105,3
Центральный ФО	3570432	25,7	3578186	25,7	3795986	25,9	225554	106,3
Северо-Западный ФО	1406454	10,1	1437479	10,3	1660840	11,3	254386	118,1
Южный ФО	1383658	10,0	1296200	9,3	1110446	7,6	-273212	80,3
Республика Адыгея	17155	0,1	15756	0,1	15391	0,1	-1764	89,7
Республика Калмыкия	22609	0,2	16605	0,1	13510	0,1	-9100	59,8
Республика Крым	26447	0,2	47582	0,3	52965	0,4	26518	200,3
Краснодарский край	750236	5,4	586903	4,2	428972	2,9	-321264	57,2
Астраханская область	116856	0,8	113169	0,8	118625	0,8	1769	101,5
Волгоградская область	182798	1,3	200191	1,4	181485	1,2	-1313	99,3
Ростовская область	264173	1,9	309436	2,2	287413	2,0	23240	108,8
г. Севастополь	3385	0,02	6558	0,05	12087	0,08	8702	357,1
Северо-Кавказский ФО	494286	3,6	475857	3,4	484958	3,3	-9329	98,1
Приволжский ФО	2384349	17,2	2463346	17,7	2429023	16,6	44674	101,9
Уральский ФО	2368498	17,0	2357901	17,0	2730971	18,7	362473	115,3
Сибирский ФО	1484414	10,7	1383131	10,0	1405338	9,6	-79076	94,7
Дальневосточный ФО	810554	5,8	905087	6,5	985157	6,7	174604	121,5

Таблица 1

Сегодня Кубань является довольно привлекательным регионом не

только для внутренних, но и для зарубежных инвесторов. Так, инвестиции в основной капитал с участием иностранного капитала в 2015 г. составили 693,2 млрд руб., что на 146,9 млрд руб. больше, чем в 2013 г. В том числе иностранных инвестиций было привлечено более 1,1 млрд руб., в то время как в 2013 г. — на 5,9 млн руб. меньше. Однако инвестиции в основной капитал на душу населения сократились на 22,7 млрд руб. и составили в 2015 г. 127,7 млрд руб. Данная тенденция свидетельствует о том, что темп роста населения опережает темп роста притока инвестиций, несмотря на рост инвестиционной активности региона [2, 3].

Более 90% всех инвестиционных вливаний приходится на города: Краснодар (180 млрд руб. с падением на 26,7% ввиду того, что в 2013 году учитывались объёмы инвестиций в олимпийские объекты, осуществленные на территории края организациями других субъектов РФ), Сочи (160,2 млрд руб. со снижением на 8,3%) и Новороссийск (38,9 млрд руб. с ростом на 45,7% за счёт расширения территориальной системы магистральных нефтепроводов, строительства нового цементного завода). Всего, по данным муниципальных образований края, в активной стадии реализации находится 212 крупных (стоимостью свыше 100 млн руб.) инвестиционных проектов на общую сумму около 1,1 трлн руб. и сроком реализации до 2030 года. В результате их осуществления планируется создание более 26 тыс. новых рабочих мест, из которых 10 тыс. уже созданы. Наиболее крупными инвестпроектами, оказывающими влияние на объёмы осваиваемых инвестиций, являются коренная реконструкция Туапсинского нефтеперерабатывающего завода, модернизация Афипского и Ильского НПЗ, реконструкция Туапсенефтепродукт, строительство третьей очереди Абинского электрометаллургического завода, строительство контейнерного и автопаромного перегрузочных комплексов в Новороссийском порту, строительство зернового терминала в порту Тамань, реконструкция и развитие комплекса лесозаготовки и переработки древесины, организации выпуска плит МДФ, столярных и мебельных изделий из МДФ на базе производственных площадей ПДК «Апшеронск».

По видам экономической деятельности транспорт и связь занимают первое место по инвестиционным вложениям в основной капитал — 191,2 млрд руб. в 2015 г. Менее перспективной отраслью по инвестиционной привлекательности среди прочих отраслей считается рыболовство — 18 млн руб. Главными производительными силами Краснодарского края являются промышленный, строительный, топливно-энергетический комплексы, сфера коммуникационных и информационных технологий, а также курортно-рекреационный, туристский и агропромышленный комплексы. В свою очередь, транспортный, агропромышленный, санаторно-курортный и туристский комплексы соответствуют приоритетным направлениям социально-экономического развития России и определяют особый статус Краснодарского края в экономике страны (табл. 2) [4, 5].

Рейтинг Краснодарского края в мировом бизнес сообществе весьма высок: агентством Standard & Poor's региону присвоен международный инвестиционный рейтинг на уровне «ВВ» (прогноз «позитивный»). Кроме того, край входит в семерку российских регионов с наименьшими инвестиционными рисками и занимает второе место в рейтинге российских регионов по законодательной активности в сфере инвестиций.

Согласно статистике, больше всего инвестиций было направлено в нежилые здания и сооружения — 50,0% от общего объема инвестиций.

Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности, млн руб.

Вид экономической деятельности	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2013 г.	
				Абсолютное отклонение, ±	Темп роста, %
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	16146	19650	20197	4050	125,1
Рыболовство, рыбоводство	35	11	18	-16	53,0
Добыча полезных ископаемых	5396	4875	9466	4070	175,4
Обрабатывающие производства	108096	112663	112966	4870	104,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	59529	21530	19876	-39653	33,4
Строительство	4816	3796	2276	-2540	47,3
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	16604	21486	23426	6821	141,1
Гостиницы и рестораны	43775	53702	4126	-39649	9,4
Транспорт и связь	250798	207684	191198	-59600	76,2
Финансовая деятельность	3268	1849	944	-2324	28,9
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	28872	22187	20413	-8459	70,7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	27605	7239	17979	-9627	65,1
Образование	7619	6011	7149	-470	93,8
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	20457	8833	6126	-14331	29,9
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	124542	55619	21568	-102974	17,3

Таблица 2

Это всё также объясняется тем, что регион из года в год наращивает свои производственные мощности, развивается курортная сфера, увеличиваются объёмы производства в аграрно-промышленном комплексе. На фоне данных событий меньше всего инвестиций направляются в жи-

лица и прочие фонды — 7,2% и 2,4% соответственно.

Анализ динамики инвестиций свидетельствует о том, что частная форма собственности является наиболее популярной в разрезе распределения инвестиций по формам собственности. Так, на долю частной собственности приходится 51,6% инвестиций, в то время как на муниципальную форму всего 2,6%. Причиной этому, на наш взгляд, является эффективная инвестиционная политика Краснодарского края по привлечению внутренних и внешних инвесторов в частный сектор кубанской экономики.

В Краснодарском крае работает более 1000 предприятий с участием инвесторов из 70 стран мира. Уникальные проекты, реализуемые на территории Краснодарского края, представляют такие известные компании, как ООО «Бондюэль-Кубань», ОАО «Филип Моррис Кубань», ООО «Каргилл-Юг», ОАО «Кубанский гипс-Кнауф», ООО «Нестле Кубань», ООО «КЛААС», ЗАО «Тетра Пак Кубань» и пр. Причем на Кубани они открывают не только представительства, но и предприятия с большими производственными мощностями. Десять крупнейших проектов Краснодарского края, предлагаемых в настоящее время Министерством стратегического развития, инвестиций и внешнеэкономической деятельности представлены в таблице 3 [6, 7].

Министерство стратегического развития, инвестиций и внешнеэкономической деятельности Краснодарского края занимается проектами инвестиций и предлагает на своём сайте вниманию потенциальных инвесторов инвестиционные проекты и площадки. Краснодарский край предлагает потенциальным партнерам более 1700 инвестиционных предложений во всех сферах экономики. Подобных проектов представлено ещё большое количество. Проекты разнообразны, разной ценовой категории и затрагивают многие сферы жизни населения края: курорты и туризм, жилищное строительство, агропромышленный комплекс, транспорт, потребительская сфера, промышленность, производство строительных материалов и многие другие. Из всего вышесказанного следует, что в Краснодарском крае имеются большие возможности для вложения инвести-

ций в различные секторы экономики. Данный регион является одним из самых развитых и инвестиционно привлекательных в РФ, и любой инвестор, в свою очередь, может найти себе проект для инвестирования по своим собственным возможностям [8, 9].

В этой связи по прогнозам министерства стратегического развития, инвестиций и ВЭД все основные количественные показатели инвестиционной привлекательности должны быть увеличены в 1,5 раза. Данные показатели отражены в инвестиционной стратегии Краснодарского края до 2020 г. (табл. 3, 4). Однако, несмотря на все вышперечисленные тенденции и прогнозы, существуют общероссийские проблемы, препятствующие эффективному функционированию инвестиционной деятельности не только в нашем регионе, но и во всей стране. Это непрозрачность таможенных и налоговых процедур, низкий уровень налоговых преференций для организаций, занимающихся инвестиционной деятельностью, недостаток собственных источников финансирования, высокие проценты за кредит, малоразвитая инвестиционная инфраструктура, низкая культура исполнения закона, бюрократические преграды.

Десять крупнейших инвестиционных проектов Краснодарского края в 2016 г.

Место в ЮФО	Место в КК	Инвестиционный проект	Источник информации	Компания, реализующая проект	Отрасль
2	1	Строительство автомобильной и железной дорог Адлер — горно-климатический курорт «Альпика-Сервис». Пропускная способность по железной дороге составит до 8,5 тысячи человек в час, по автомобильной — до 11,5 тысячи человек в час	ОАО «РЖД», официальный сайт	ОАО «РЖД»	Инженерно-транспортная инфраструктура
4	2	Комплексная реконструкция участка Имени М. Горького — Котельниково — Тихорецкая — Кореновск — Тимашёвская — Крымская с обходом Краснодарского узла	ОАО «РЖД»	ОАО «РЖД»	Инженерно-транспортная инфраструктура
5	3	Модернизация нефтеперерабатывающего завода в Северском районе: реконструкция подъездных путей, резервуаров, коммуникаций и других объектов	Министерство стратегического развития, инвестиций и внешнеэкономической деятельности Краснодарского края	Конфиденциально	Нефтяная и нефтегазовая промышленность
12	4	Реконструкция нефтеперерабатывающего предприятия с увеличением грузооборота нефтепродуктов в объёме до 20 млн тонн с учётом ввода в эксплуатацию нового НПЗ	Министерство стратегического развития, инвестиций и внешнеэкономической деятельности Краснодарского края	Конфиденциально	Нефтяная и нефтегазовая промышленность
14	5	Строительство в Краснодарском крае парогазовой электростанции мощностью 480 МВт, предназначенной для покрытия дефицита электроэнергии	Министерство стратегического развития, инвестиций и внешнеэкономической деятельности Краснодарского края	Конфиденциально	Энергетика

22	6	Строительство в Новороссийске цементного завода мощностью 3,5 млн тонн в год	Министерство стратегического развития, инвестиций и внешнеэкономической деятельности Краснодарского края	Конфиденциально	Промышленность стройматериалов
23	7	Добыча и экспорт подземной питьевой воды. Строительство завода по розливу питьевой воды, водозаборов, насосных станций, трубопроводов, гидротехнических сооружений, укрепление берегозащиты и расчистка русла рек	Министерство стратегического развития, инвестиций и внешнеэкономической деятельности Краснодарского края	ООО «Корпорация „Росвода“»	Инженерно-транспортная инфраструктура
24	8	Модернизация нефтеперерабатывающего завода (строительство пятой установки). Проект предполагает модернизацию оборудования, увеличение существующих мощностей (доведение объёма переработки с 650 тысяч тонн до 3,5 млн тонн)	Министерство стратегического развития, инвестиций и внешнеэкономической деятельности Краснодарского края	Конфиденциально	Нефтяная и нефтегазовая промышленность
25	9	Строительство в Молдаванском сельском поселении цементного завода мощностью более 2 млн тонн в год	Министерство стратегического развития, инвестиций и внешнеэкономической деятельности Краснодарского края	Конфиденциально	Промышленность стройматериалов
27	10	Строительство в Краснодаре общественно-делового центра общей площадью 260 тысяч кв. м	Министерство стратегического развития, инвестиций и внешнеэкономической деятельности Краснодарского края	Конфиденциально	Прочее

Таблица 3

**Основные прогнозные количественные показатели
инвестиционной привлекательности (по данным министерства
стратегического развития, инвестиций и ВЭД Краснодарского
края)**

Показатель	2016 г.	2017 г.	2020 г.	Отклонение 2020 г. к 2016 г., %
Объем инвестиций в основной капитал, млрд руб.	810,6	880,4	1000	123,4
Производительность труда (ВРП на численность занятых в экономике), тыс. руб.	812,8	1000	1982	243,8
Количество созданных на территории Краснодарского края высокопроизводительных рабочих мест (нарастающим итогом), тыс. чел.	571,5	624,7	784,3	137,2
Стоимостные объемы экспорта несырьевых товаров в Краснодарском крае, млн долл. США	1018	1049	1154	113,4
Количество организаций-субъектов внешнеэкономической деятельности в Краснодарском крае	2683	2763	3136	116,9

Таблица 4

Одной из основных приоритетных направлений программы «Инвестиционная стратегия Краснодарского края до 2020 года», утверждённой Законом Краснодарского края от 28 ноября 2014 года № 3061-КЗ «О стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 года», является инновационно-инвестиционное развитие агропромышленного комплекса. Определена стратегическая задача по созданию на территории Южного федерального округа России «главной продовольственной базы страны на основе формирования национального мегакластера агропромышленного комплекса, включающего весь комплекс производств и инновационных центров, обеспечивающих его эффективное функционирование».

Учитывая и совершенствуя все указанные факторы и показатели,

и комплексы мер, Краснодарский край в значительной степени способен обеспечить экономический рост АПК. С приходом иностранного капитала на территории разместится значительное количество предприятий, занимающихся углубленной переработкой сельскохозяйственного сырья, улучшить экологическую ситуацию в крае, создать развитую инфраструктуру, необходимую для функционирования предприятий.

Эффективное использование потенциала научно-технического прогресса и ориентация экономики сельского хозяйства на инновационное развитие — неотъемлемое условие выхода аграрного сектора из кризисного состояния. Одним из наиболее успешных инновационных проектов в аграрном секторе экономики США в настоящее время является инвестирование во внедрение элементов системы точного земледелия в сельхозпредприятия с целью повышения урожайности и прибыли на уровне организации и импортной независимости и инвестиционной привлекательности региона.

Система дифференцированного внесения удобрений — это главная составляющая системы точного земледелия, позволяющая управлять продуктивностью посевов с учетом локальных особенностей внутри каждого поля. Наиболее распространенной в использовании является система GreenSeeker RT200. Её эффективность доказана результатами научного исследования и практикой внедрения. Экономическое преимущество использования системы точного земледелия можно наглядно увидеть на рисунках 1, 2.

Рассмотрим на конкретном примере экономический эффект инвестиционного проекта от внедрения точного земледелия на одном из агропредприятий Краснодарского края. Внедрение системы дифференцированного внесения удобрений позволит увеличить урожайность выращиваемых в хозяйстве сельскохозяйственных культур в среднем на 10–15% (табл. 5).

Расчётный доход от реализации основных видов сельхозкультур при традиционной и точной системах земледелия

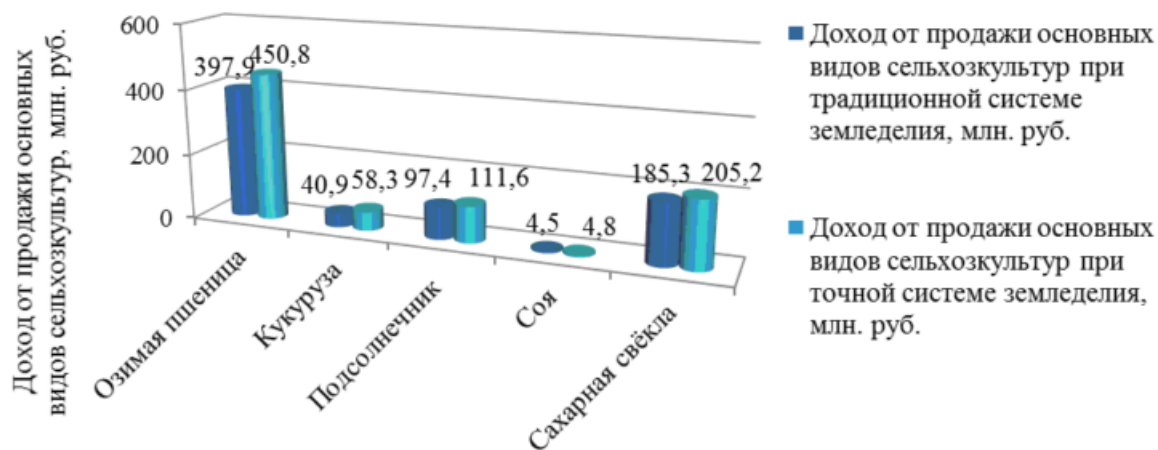

Рисунок 1

Результаты внедрения системы точного земледелия

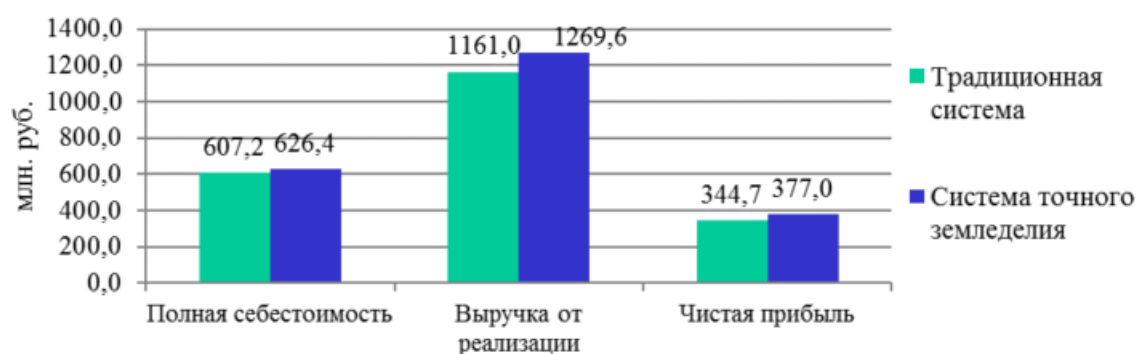

Рисунок 2

Дополнительный объем реализации, ц

Культура	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Итого
Озимая пшеница	53180	54510	55839	57169	57169	277866
Кукуруза	19126	19605	20083	20561	20561	99935
Ячмень	3722	3815	3909	4002	4002	19450
Горох	227	233	239	244	244	1187
Овёс	36	37	38	39	39	188
Подсолнечник	6947	7121	7295	7468	7468	36299
Соя	689	706	723	740	740	3599
Сахарная свёкла	72866	74688	76510	78331	78331	380727
Итого:	156794	160714	164634	168554	168554	819251

Таблица 5

Использование системы GreenSeeker RT200 потребует дополнительных расходов на нефтепродукты из-за роста объемов производства. В то же время за счёт снижения издержек на минеральные удобрения затраты на сырье и материалы сократятся на 61057 тыс. руб. В общую смету затрат также войдут амортизация и затраты на ремонт и обслуживание (табл. 6).

Смета затрат на производство продукции, тыс. руб.

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Итого
Расходы на материалы и комплектующие, тыс. руб.	-17508	-10565	-10823	-11081	-11081	-61057
в т. ч. дизельное топливо	6000,0	9840	10080	10320	10320	46560
бензин	8,4	9	9	9	9	44
минеральные удобрения	-29524	-30262	-31001	-31739	-31739	-154265
Затраты на ремонт и обслуживание, тыс. руб.	30	30	30	30	30	150
Амортизация, тыс. руб.	19800	19800	19800	19800	19800	99000
Итого текущих расходов:	-3686	-583	-1082	-1580	-1580	-8511

Таблица 6

В конечном итоге будет получено снижение общих текущих расходов на 8511 тыс. руб., что вновь свидетельствует о том, что экономия

на минеральных удобрениях приведёт к снижению себестоимости производимой продукции и росту уровня рентабельности. Для реализации инвестиционного проекта по внедрению точного земледелия необходимо 99 млн руб. Исследуемое предприятие имеет возможность оплатить 40 млн руб. за счет имеющейся дополнительной чистой прибыли, соответственно, на 59 млн руб. необходимо взять кредитных средств. Экономический эффект инвестиционного проекта по приобретению системы GreenSeekerRT200 при ставке дисконтирования равной 15% представлен в таблицах 7, 8.

Таким образом, система дифференцированного внесения удобрений является высокорентабельным инвестиционным вложением и его повсеместное практическое использование на территории Краснодарского края обеспечит рост объёмов производства зерновых культур, при этом увеличивая потенциал экспорта продукции.

Оценка экономической эффективности инновационного проекта по приобретению системы Greenseeker RT200, тыс. руб.

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Операционный денежный поток	–	88110	83286	85220	87143	87058
Финансовый денежный поток	99000	–10620	–9136	–7384	–5317	–2878
Коэффициент дисконта	1,00	1,15	1,32	1,52	1,75	2,01
Инвестиционный денежный поток	–99000	–	–	–	–	–
Чистый денежный поток	–	77490	74150	77836	81826	84180
Чистый денежный поток (с учётом инфляции)	–99000	94410	95621	104838	114869	122962
Дисконтированный чистый денежный поток	–99000	78544	66183	60368	55028	49006
Дисконтированный поток нарастающим итогом	–99000	–20456	45727	106095	161123	210129

Таблица 7

Экономическая эффективность инвестиционных вложений

Показатель	$r=15\%$
Объём инвестиций, тыс. руб.	99000
Дисконтированный период окупаемости (DPBP), мес.	1 год 4 мес.
Норма доходности полных инвестиционных затрат, %	217,9%
Чистый приведённый доход (NPV), тыс. руб.	210129
Индекс прибыльности (PI), руб.	3,123
Внутренняя норма рентабельности (IRR), %	96,0

Таблица 8

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что Краснодарский край обладает высоким уровнем инвестиционной активности, занимая одно из лидирующих мест по уровню инвестиционной привлекательности среди других регионов РФ. При этом транспортный, агропромышленный, курортно-рекреационный и туристский комплексы являются главными стратегическими и системообразующими сферами деятельности региона и полностью соответствуют приоритетным направлениям социально-экономического развития России, определяя особый статус Краснодарского края в экономике страны.

Немаловажным аспектом является стратегическая задача Правительства РФ по созданию на территории Южного федерального округа России «главной продовольственной базы страны на основе формирования национального мегакластера агропромышленного комплекса, включающего весь комплекс производств и инновационных центров, обеспечивающих его эффективное функционирование». В связи с чем эффективное использование потенциала научно-технического прогресса и внедрение инноваций в сельскохозяйственных организациях является неотъемлемым условием повышения эффективности агропроизводства, усиления независимости внутреннего рынка продовольствия от импорта и роста экономики региона.

Список литературы

1. Климова Н. В., Трубачева Е. А. Перспективы инвестиционного развития Краснодарского края // Экономическое развитие России: драйвер роста или генератор вызовов: сб. материалов международной научно-практической конференции. 2016. С. 15–18.
2. Климова Н. В., Шаповалова Г. И. Анализ и перспективы развития инновационной деятельности Краснодарского края // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 111. С. 793–804.
3. Кузьмин М. В., Тараторкин В. М. Перспективные направления научных исследований в сельском хозяйстве // Техника и оборудование для села. 2012. № 1. С. 28–30.
4. Пирожинский С. Г., Лукин А. А. Управления агропромышленным комплексом с помощью инновационных ресурсосберегающих технологий // Молодой ученый. 2013. № 7. С. 229–231.
5. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации // URL: www.economy.gov.ru (дата обращения: 03.06.2017).
6. Федеральная служба государственной статистики // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/ (дата обращения: 03.06.2017).

УДК/UDC 81'35+003.035

Фонетический принцип французско-русской практической транскрипции

Котяра Дмитрий Флорентиевич

редактор научного журнала «Полиматис»

г. Краснодар, Россия

E-mail: kotyara-gleep@polymathis.ru

Аннотация

В статье описывается новый подход к французско-русской практической транскрипции, которую автор предлагает основывать на фонетическом принципе, как это уже имеет место в отношении англо-русской практической транскрипции, т. е. использовать фонемы французского языка в качестве основы для транскрипции вместо букв и буквосочетаний. Тем не менее автор не предлагает собственных изменений в уже существующие правила транскрипции, выбирая между вариантами, имеющимися в соответствующих рекомендациях. Французско-русская практическая транскрипция приводится в виде трёх таблиц, в которых фонемы разбиты на несколько типов: согласные, гласные (чистые и носовые) и полугласные, а также сочетания фонем. Предлагаемая перегруппировка правил транскрипции даёт в результате значительно более короткие и простые рекомендации по сравнению с уже существующими правилами, основанными на принципе «от буквы к букве».

Ключевые слова: практическая транскрипция, транскрипция, кириллизация, имена собственные, русский язык, французский язык.

Phonetic Principle of French-Russian Orthographic Transcription

Kotyara Dmitriy Florentiyevich

editor of Polymathis Scientific Journal

Krasnodar, Russia

E-mail: kotyara-gleep@polymathis.ru

Abstract

The article describes a new approach to French-Russian orthographic (practical) transcription which the author proposes to base on phonetic principle, as it is already done with English-Russian orthographic transcription, i.e. to use phonemes of the French language as the basis of transcription instead of letters and letter combinations. However, the author does not propose his own corrections to the existing transcription rules, choosing from the variants given in the relevant guidelines. French-Russian orthographic transcription is split into three tables representing several types of phonemes: consonants, vowels (clear and nasal) and semivowels, and phoneme combinations. The proposed rearrangement of the transcription rules results in much shorter and easy-to-use guidelines as compared to the existing guidelines based on letter-to-letter principle.

Key words: orthographic transcription, transcription, Cyrillization, proper names, Russian language, French language.

Настоящая работа является третьй из цикла статей о практической транскрипции, который пишется с целью практического использования результатов исследования в данном журнале. В этой статье предлагается свод рекомендаций по французско-русской практической транскрипции, опирающийся на передачу букв и буквосочетаний, как в имеющихся на данный момент правилах, а на передачу непосредственно фонем.

Такой подход уже применяется в англо-русской транскрипции [1], так как установить точное произношение того или иного имени собственного, опираясь лишь на правила чтения, нельзя. Но то же самое относится, хоть и в несколько меньшей степени, и к французскому языку: так, Д. И. Ермолович, комментируя составленные им правила французско-русской транскрипции, отмечает: «Приводимые... соответствия носят нестрогий характер и должны корректироваться по данным произношения» [1].

Составление правил транскрипции с французского языка по принципу «от буквы к букве» ведёт к усложнению и удлинению самих правил (например, в процитированном выше справочнике Ермоловича правила французско-русской транскрипции длиннее прочих правил приблизи-

тельно в два раза или, в ряде случаев, даже больше). При этом однозначно описать все случаи французско-русской передачи едва ли представляется возможным, и во многих случаях требовалась бы приписка «согласно произношению».

По вышеуказанным причинам наиболее целесообразной представляется французско-русская практическая транскрипция, основанная на фонетическом принципе. При этом, разумеется, должно учитываться и исходное написание слова (наиболее наглядно это можно проиллюстрировать случаями с двойными согласными, см. ниже).

При создании предлагаемых ниже правил транскрипции использовались следующие источники: справочник Д. И. Ермоловича «Правила практической транскрипции имен и названий с 29 языков на русский и с русского на английский» [1], справочник Р. С. Гиляревского и Б. А. Старостина «Иностранные имена и названия в русском тексте» [2] и «Инструкция по русской передаче географических названий Франции» [3].

Для удобства разделим фонемы французского языка на три категории:

- 1) согласные (табл. 1);
- 2) гласные (чистые и носовые) и полугласные (табл. 2);
- 3) сочетания фонем (табл. 3).

Фонемы, передача которых на русский язык не различается (например, закрытые и открытые гласные), приводятся в одной строке.

Передача согласных фонем

Фонема	Передаётся как	Пример
[b]	<i>b</i> (если выражено одной буквой) <i>bb</i> (если выражено двумя буквами)	B runo — Брюно Ri bbe — Ри бб
[p]	<i>p</i> (если выражено одной буквой) <i>pp</i> (если выражено двумя буквами)	P erpetue — Перпетю Phi lippe — Филип п
[d]	<i>d</i> (если выражено одной буквой) <i>dd</i> (если выражено двумя буквами)	O delin — Оделен Tha ddée — Та дд е
[t]	<i>t</i> (если выражено одной буквой) <i>tt</i> (если выражено двумя буквами)	Ti mothée — Тимоте Cos sette — Коссе тт

Фонема	Передаётся как	Пример
[g]	g (если выражено одной буквой) gg (если выражено двумя буквами)	Gautier — Готье Maggy — Магги
[k]	kk (если выражено через cc) k (в других случаях)	Accambray — Аккамбре Ézéchiel — Эзекьель
[v]	v (если выражено одной буквой) vv (если выражено двумя буквами)	Octavien — Октавьен <i>пример не найден</i>
[f]	ϕ (если выражено через f, ph) ϕϕ (если выражено через ff)	Euphrasie — Эфрази Geoffroy — Жоффруа
[z]	z (если выражено одной буквой) zz (если выражено двумя буквами)	Rose — Роз Ballestrazzi — Баллестраззи
[s]	ss (если выражено через ss) s (в других случаях)	Josse — Жосс Domitien — Домисьен
[ʒ]	жс	Gérard — Жерап
[ʃ]	ш	Rachel — Рашель
[m]	m (если выражено одной буквой) mm (если выражено двумя буквами)	Martin — Мартен Emmanuel — Эмманюэль
[n]	n (если выражено одной буквой) nn (если выражено двумя буквами)	Éléonore — Элеонор Adienne — Адриенн
[ɲ]	нь	Gagné — Ганье
[ʁ]	r (если выражено одной буквой) rr (если выражено двумя буквами)	Albert — Альбер Merri — Мерри
[l]	l (если выражено одной буквой, перед гласным) ll (если выражено двумя буквами, перед гласным) lv (если выражено одной буквой; перед согласным, на конце слова) llv (если выражено двумя буквами; перед согласным, на конце слова) lv (в корнях mille, ville)	Abélard — Абелар Chollet — Шолле Juliette — Жюльетт Emmanuelle — Эмманюэльль Villepin — Вильпен

Таблица 1

Примечание: при передаче географических названий удвоение согласных сохраняется только в положении между гласными (для **mm**, **nn** — также на конце слова) [1], но **ss** — всегда с [3].

Передача гласных и полугласных фонем

Фонема	Передаётся как	Пример
[a], [ɑ]	<i>a</i> <i>я</i> (после [ɲ])	Alain — Ален Ignace — Иньяс
[e], [ɛ], [ə]	<i>e</i> (после согласных, после [i]) <i>э</i> (после гласных, в начале слова, в том числе после апострофа и дефиса)	Marguerite — Маргерит Joël — Жоэль
[ø], [œ]	<i>ë</i> (после согласных) <i>э</i> (после гласных, в начале слова)	Dieudonné — Дьёдонне Eugène — Эжен
[i]	<i>i</i>	Éloïse — Элоиз
[o], [ɔ]	<i>o</i>	Florent — Флоран
[u]	<i>u</i> <i>ю</i> (после [ɲ])	Marilou — Марилу Bergougnoux — Бергунью
[y]	<i>ю</i>	Hubert — Юбер
[ã]	<i>ам</i> (в сочетании с m перед [b], [p]) <i>ан</i> (в других случаях)	Ambroise — Амбруз Beauchamp — Бошан
[ɛ̃]	<i>ем</i> (после согласных в сочетании с m перед [b], [p]) <i>ен</i> (после согласных в других случаях) <i>эм</i> (после гласных, в начале слова в сочетании с m перед [b], [p]) <i>эн</i> (после гласных, в начале слова в других случаях)	Timbault — Тембо Joachim — Жоашен Imbert — Эмбер Ain — Эн
[œ̃]	<i>ем</i> (после согласных в сочетании с m перед [b], [p]) <i>ен</i> (после согласных в других случаях) <i>эм</i> (после гласных, в начале слова в сочетании с m перед [b], [p]) <i>эн</i> (после гласных, в начале слова в других случаях)	Leumbres — Лёмбр Melun — Мелён Numberscamps — Эмберкан Unverre — Энвер
[ɔ̃]	<i>ом</i> (в сочетании с m перед [b], [p]) <i>он</i> (в других случаях)	Compère — Компер Edmond — Эдмон
[ɥ]	<i>ю</i>	Puy — Пюи
[w]	<i>y</i>	Grégoire — Грегуар
[j]	<i>й</i>	Verdeil — Вердей

Таблица 2

Передача сочетаний фонем

Фонема	Передаётся как	Пример
[ja], [ja]	<i>ья</i> (после согласных) <i>йя</i> (после гласных ¹) <i>я</i> (в начале слова) <i>я</i> (после [i] в сочетании ia ²)	Fiacre — Фьякр Caillat — Кайя Yann — Янн Tuia — Тюия
[je], [je]	<i>ье</i> (после согласных) <i>йе</i> (после гласных, в начале слова) <i>е</i> (после [i] в сочетании ie ²)	Régnier — Ренье Guyenne — Гийенн Gabriel — Габриель
[jø], [jø]	<i>ье</i> (после согласных) <i>йе</i> (после гласных, в начале слова) <i>е</i> (после [i] в сочетании ieu)	Mathieu — Матьё Filleul — Фийёль Saint-Brieuc — Сен-Бриё
[jo], [jo]	<i>ьо</i> (после согласных) <i>йо</i> (после гласных, в начале слова)	Lionel — Льонель Yolande — Йоланд
[ju]	<i>ью</i> (после согласных) <i>ю</i> (после гласных, в начале слова)	Riou — Рью Cailloux — Каю
[jy]	<i>ью</i> (после согласных) <i>йю</i> (после гласных, в начале слова)	Fabius — Фабьюс Caius — Кайюс
[jã]	<i>ьян, ъям</i> (после согласных) <i>йян, ъям</i> (после гласных ¹) <i>ян, ям</i> (в начале слова)	Lorient — Лорьян Caillan — Кайян iambique — ямбик
[jẽ]	<i>ьен, ъем</i> (после согласных) <i>йен, ъем</i> (после гласных, в начале слова) <i>ен, ем</i> (после [i] в сочетании ie)	Sébastien — Себастьян Doyen — Дуайен Gobrien — Гобриен
[jõ]	<i>ьон, ъом</i> (после согласных) <i>йон, ъом</i> (после гласных, в начале слова)	Marion — Марьон Bertillon — Бертийон
[gz]	<i>кз</i> (если выражено через x)	Echupère — Экзюпер

Таблица 3

¹ Допустимо: *йа*.

² В том числе и с диакритическими знаками над соответствующей гласной.

Примечания:

- 1) выбор между *м* и *н* для носовых гласных аналогичен табл. 2.
- 2) по всей видимости, сочетание [jõ] на практике не встречается (единственный найденный случай — слово *junciforme*).

Список литературы

1. Ермолович Д. И. Правила практической транскрипции имен и названий с 29 языков на русский и с русского на английский. М.: Аудитория, 2016. 125 с.
2. Гиляревский Р. С., Старостин Б. А. Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1985. 303 с.
3. Инструкция по русской передаче географических названий Франции / Сост. К. Т. Бойко; ред. Г. Г. Арутюнова. М.: Наука, 1982. 78 с.

УДК/UDC 342.37

Великобритания: королевская прерогатива

Томас Пул

старший преподаватель

Лондонская школа экономики и политических наук

г. Лондон, Великобритания

e-mail: t.m.poole@lse.ac.uk

United Kingdom: the Royal Prerogative

Thomas Poole

senior lecturer

London School of Economics & Political Science

London, United Kingdom

e-mail: t.m.poole@lse.ac.uk

Перевод: И. В. Григоращенко

Translated by: I. V. Grigorashchenko

Первоначальная публикация (original publication): Poole, Thomas (2010)

United Kingdom: the royal prerogative. *International Journal of Constitutional Law*, 8 (1). pp. 146–155. EISSN: 1474-2659. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/icon/mop038>

Исполнительная власть — королевская прерогатива — Палата лордов поддерживает решение правительства не репатриировать жителей архипелага Чагос. — Дело «Королева (по заявлению Бэнкоулта) против министра иностранных дел и по делам Содружества», или «Бэнкоулт (№ 2)». (Луис Оливье Бэнкоулт — руководитель Комитета по социальным делам Чагоса. — Прим. ред.)

В последнее время внимание правового мира обращено к вопросу об исполнительных полномочиях. Важной опорной точкой таких полномочий в Конституции Великобритании (хотя и гораздо более важной в прошлом, нежели сейчас) является королевская прерогатива. Королевская прерогатива сохраняет за монархом ряд полномочий, оставшихся с

тех времен, когда он был непосредственно вовлечен в управление государством. В настоящее время эти полномочия включают в себя заключение договоров, объявление войны, развертывание вооруженных сил, регулирование государственной службы и предоставление помилований. Прерогативные полномочия в настоящее время осуществляются министрами или же лично самим монархом — почти во всех возможных случаях это происходит под руководством министров¹. Определяющая характеристика прерогативы состоит в том, что ее осуществление не требует одобрения парламента. За исключением этого сухого изложения сути королевской прерогативы, среди ученых практически нет согласия как относительно определения самого этого понятия² — такие два гиганта изучения английского публичного права, как У. Блэкстоун и А. В. Дайси, высказали противоречивые мнения на этот счет³, — так и даже относительно точного объема оставшихся в настоящее время полномочий⁴.

Можно было бы с уверенностью назвать королевскую прерогативу конституционным анархизмом (в какой-то мере она, безусловно, таковой и является), если бы не тот факт, что она во многом работает так же, как и остальная часть ветхой Конституции Великобритании. На самом деле, с ее историчностью, с ее монархической формой, с расхождением между ее исполнением в прошлом и настоящем, а также с учетом тон-

¹Существуют также так называемые «личные прерогативы», которые осуществляет сам монарх. К ним относятся полномочия назначать премьер-министра, распускать парламент и давать королевскую санкцию законодательству. Все эти полномочия закреплены конституционными конвенциями. После, изначально объявляя о планах радикальной реформы прерогативы («Зеленая книга правительства Великобритании», июль 2007 г.), правительство приняло решение провести лишь небольшую часть работы по исправлению конституционных реформ и управления (в настоящее время перед Палатой общин). См.: Ministry of Justice, Review of the Executive Royal Prerogative: Final Report (15 October 2009).

²См.: Sebastian Payne, *The Royal Prerogative // The Nature of the Crown: a Legal and Political Analysis* / Sunkin & Sebastian Payne, eds. Oxford University Press, 1999). «Нет единого принятого определения королевской прерогативы. По-видимому, различные определения противоречат друг другу» (стр. 78).

³Albert Venn Dicey, *Introduction to the Study of the Law of the Constitution* (1885), P. 424 (10th ed., 1959) («Остаток дискреционной или произвольной власти, который в любой момент времени на законных основаниях остается в руках короны»); William Blackstone, *Commentaries on the Laws of England*, Bk. I, Ch. 7 (1765) («Из этого следует, что она должна быть по своей природе единственной и эксцентричной, что она может быть применена только к тем правам и возможностям, которыми обладает только король, в отличие от других, а не к тем, которые у него общи с кем-либо из его подданных»).

⁴См., напр.: Basil S. Markesinis, *The Royal Prerogative Revisited // Cambridge Law Journal*. 1973. Vol. 32. P. 287.

кости применяемых к ней (формальных) правовых норм, прерогативу можно было бы даже назвать самой сущностью Конституции Великобритании. Вот причина того, что в этом уголке британского публичного права практически невозможно избежать, по излюбленному выражению судей, разбирающих связанные с прерогативой дела, «бряцанья средневековых цепей призраков прошлого»⁵.

Однако даже исторически сложилось так, что прерогатива вызывает много споров, в отличие от, скажем, принципа парламентского суверенитета. Королевская прерогатива была в центре конституционных кризисов семнадцатого века⁶ — революционного периода в британской политике, который завершился тем, что парламент пригласил короля занять престол, но в то же время король должен был отказаться от значительной части своей власти. Основы современной конституции проистекают из этого соглашения; данное Локком понятие о прерогативе как легитимной, но исключительной власти, в конечном счете находящейся под контролем парламента, вынудило монархистов и республиканцев, выступающих против прерогативы, оставить свои позиции⁷. Тем не менее идея прерогативы как «белой вороны конституционного уклада» — то есть как формы, слабо соответствующей первичным конституционным ценностям (верховенство парламента и верховенство закона)⁸, а также являющейся по своей сути ненадежным источником власти — была неотделима от британского конституционного мышления начиная, по крайней мере, с того времени. Это чувство недоверия становилось все глубже на протяжении столетий, когда идея британского государства как парламентской демократии укреплялась. И не зря: прерогатива далека от современного архетипа легитимного законотворчества, который в британском государственном строе представлен актом парламента со всеми сопутствующими

⁵См. следующие дела: *United Australia Ltd. v. Barclays Bank Ltd.*, (1941) A.C. 1, 29 (L. Atkin); *Council of Civil Service Unions v. Minister for the Civil Service*, (1985) A.C. 374, 417 (L. Roskill); *R (Bancoult) v. Sec'y of State for Foreign & Commonwealth Affairs*, (2001) 2 W.L.R. 1219, [158] (L. Hooper).

⁶Glenn Burgess, *The Politics of the Ancient Constitution* (Penn. State Press, 1993).

⁷Подробнее насчет понятия Локка о прерогативе см.: Thomas Poole, *Constitutional Exceptionalism and the Common Law* // *International Journal of Constitutional Law*. 2009. Vol. 7. P. 247.

⁸См., традиционно, Dicey, *supra* note 2.

ему процессуальными и формальными ограничениями.

Верховному суду Великобритании, Палате лордов, не так давно было предложено рассмотреть дело об ограничении полномочий прерогативы: «Королева (по заявлению Бэнкоулта) против министра иностранных дел и по делам Содружества», или «Бэнкоулт (№ 2)»⁹. Данное дело касалось решений, принятых после высылки в конце 1960-х — начале 1970-х годов местного населения с архипелага Чагос, располагающегося в Индийском океане, с целью разместить там военную базу США. Целый ряд решений был достигнут с помощью полномочий, заложенных в прерогативе, которая на протяжении веков являлась важным инструментом колониального управления¹⁰. Это означало не только то, что суды должны были вновь вернуться к конституционному прошлому, чтобы сформировать нынешнюю конституционную обстановку. Им также пришлось столкнуться с грязной реальностью политики (пост)имперской власти и ее современного эквивалента — политики безопасности. Это важный случай, и довольно интересный, если не брать во внимание его ограниченность. Но, что любопытно, хотя дело касалось, как многие могли бы посчитать, одно из основных прав человека — право не быть высланным со своей родины, в практическом плане дело не имело никакого смысла, поскольку все стороны признавали, что не было никакой перспективы возвращения населения на указанные острова. Прежде чем перейти к рассмотрению самого дела, нам нужно прежде всего обратиться к тому, как суды относились к прерогативе в прошлом.

1. Правовой контроль над прерогативой

Судебные дела начала семнадцатого века установили, что хотя суды могут определять наличие и объем полномочий прерогативы, они не могут подвергать сомнению или пересматривать способ ее осуществления¹¹. Суды также установили принцип, согласно которому, если суще-

⁹(2008) UKHL 61.

¹⁰См., напр.: *Campbell v, Hall*, (1774) 1 Cowp. 204.

¹¹*Prohibitions del Roy* (1607) 12 CO. REP. 63; *Case of Proclamations* (1611) 12 CO. REP. 74, 76 («У короля нет прерогативы, но есть то, что позволяет ему закон страны»).

ствуют полномочия по закону, охватывающие ту же самую область, что и полномочия прерогативы, то правительство, как правило, не может свободно выбирать между ними и должно действовать в соответствии с законом¹². Причины сдержанности судов в отношении к прерогативе связаны с взаимоотношениями прерогативы с идеей «короны» — расплывчатой, но структурно центральной концепцией публичного права Великобритании, которую склонны использовать, по выражению историка Конституции Ф. У. Мейтленда, как «удобное прикрытие невежества», которое «спасает нас от постановки сложных вопросов»¹³. В прошлом суды имели склонность действовать с особой сдержанностью, когда речь заходила о пересмотре правовых актов, принятых от имени короны, даже когда эти акты были явно приняты исполнительной властью (или от ее имени)¹⁴.

Такой ограниченный подход к рассмотрению прерогативы сохранялся до середины 1980-х годов, когда в деле о Центре правительственной связи (полное название дела: «Совет союзов государственных служащих против министра по делам государственной службы». — Прим. ред.), наложившем отпечаток на дальнейшие дела такого рода, Палата лордов постановила, что распоряжение, отданное согласно правительственному декрету, так называемому «королевскому указу в совете» (основная форма прерогативного законодательства), может в принципе являться предметом судебного надзора¹⁵. Дело затрагивало одностороннее решение Маргарет Тэтчер (которая в качестве премьер-министра была также министром по делам государственной службы) отказать в член-

¹²Attorney-General v. De Keyser's Royal Hotel Ltd., (1920) A.C. 508. См. также высказывание лорда Диплока по делу BBC v. Johns (1965), гл. 32, 79, где говорится, что «прошло уже 350 лет и одна гражданская война: уже слишком поздно для того, чтобы королевские суды могли расширить прерогативу». См. также R v. Sec'y of State for the Home Department, ex p Fire Brigades Union, (1995) 2 A.C. 513 (правительство не должно полагаться на прерогативу для введения схемы компенсации для жертв преступлений, если установленная законом схема уже существует). Ср.: R v. Sec'y of State for the Home Department, ex p Northumbria Police Authority, (1989) Q.B. 26 (где Апелляционный суд «обнаружил» прерогативу защиты королевства и его подданных).

¹³Frederic William Maitland, *The Constitutional History of England* / H.A.L. Fisher ed. Cambridge University Press, 1980. P. 418.

¹⁴Martin Loughlin, *The State, the Crown and the Law // The Nature of the Crown*. P. 33, supra note 1.

¹⁵Council of Civil Service Unions v. Minister for the Civil Service, (1985) A.C. 374.

стве в профсоюзе Центру правительственной связи, ответственному за военную и радиоэлектронную разведку. «Закон, касающийся судебного надзора, в настоящее время достиг своей цели, — сказал один из судей по данному делу. — Если предмет, в отношении которого осуществляется полномочие, данное прерогативой, может быть рассмотрен в суде, то осуществление полномочий будет подчиняться стандартным принципам публичного права»¹⁶. Хотя дело о Центре правительственной связи и стало важным благодаря его «модернизирующему» воздействию, оно также было осложнено в двух существенных аспектах¹⁷. Во-первых, лорды-судьи не разрешили, в частности, вопрос о том, является ли сама прерогатива — в отличие от вторичных полномочий, полученных в результате осуществления прерогативы, — подлежащей судебному надзору в соответствии с нормативными принципами. Во-вторых, принимая ввиду требований национальной безопасности решение о том, что законное ожидание истцов отменяется еще до принятия решения по делу, суд подал пример, которому стали следовать в большинстве (если не во всех)¹⁸ последующих дел о прерогативе¹⁹. Действительно, суд в этом деле изо всех сил пытался выявить области прерогативой законотворческой деятельности, которые, по всей вероятности, не могли быть рассмотрены в суде. Лорд Роскилл составил список «исключенных категорий» — сфер деятельности, не подлежащих судебному надзору. В их числе были и прерогативные полномочия, «связанные с заключением соглашений, защиты королевства, прерогативой милосердия, награждений почетными званиями и знаками отличий, роспуском парламента и назначением министров»²⁰. Теперь прерогативу можно было для целей судебного надзора принципиально классифицировать как нормативный второстепенный источник права; однако на практике суды, как правило, все еще склон-

¹⁶Там же, 387 (L. Scarman).

¹⁷См.: Clive Walker, *Review of the Prerogative: The Remaining Issues* // Public Law. 1987. P. 62.

¹⁸См., напр.: *R v. Sec'y of State for Home Department, ex p Bentley*, (1994) Q.B. 349 (пересмотр прерогативы помилования).

¹⁹См., напр.: *R v. Sec'y of State for Foreign & Commonwealth Affairs, ex p Rees-Mogg* (1994) Q.B. 552; *R (Abbasi) v. Sec'y of State for Foreign & Commonwealth Affairs*, (2002) EWCA Civ. 1598.

²⁰*Council of Civil Service Unions v. Minister for the Civil Service*, (1985) A.C. 374, 418.

ны подходить к прерогативе с осторожностью, граничащей с открытым почтением.

2. Острова в буре

Архипелаг Чагос включает в себя группу из семи атоллов и около шестидесяти островов в центре Индийского океана, ровно посередине между Танзанией и Явой. Первыми жителями островов были прокаженные с Иль-де-Франс (нынешний Маврикий), привезенные туда во второй половине восемнадцатого века. За ними вскоре последовали рабочие из Африки и южной части Индии, привезенные на кокосовые плантации, созданные французами. Эти острова вместе с Маврикием были переданы Великобритании после поражения Наполеона в 1814 году. В 1965 году архипелаг был сначала отделен от Маврикия, а затем стал отдельной заморской территорией, известной как Британская территория в Индийском океане (БТИО). Это было сделано для облегчения развертывания военной базы США на главном острове архипелага — Диего-Гарсии. Это преобразование было осуществлено указом о Британской территории в Индийском океане 1965 года (то есть королевской прерогативой). Все население (известное как чагосцы или илуа) было перевезено на Маврикий. Это было достигнуто постановлением об иммиграции 1971 года, изданным комиссаром БТИО в соответствии с полномочиями, содержащимися в указе 1965 года, которые позволили комиссару (как гласит стандартная формулировка для управления колониями) «принимать законы ради мира, порядка и должного управления территорией». Затем был заключен договор между США и Великобританией, посредством которого остров Диего-Гарсия был передан в аренду американским военным.

Ряд дел по вопросам, касающимся выселения чагосцев, рассматривался в британских судах еще до недавнего решения по делу «Бэнкоулт (№ 2)». В 2000 году Высокий суд, рассматривая дело «Бэнкоулт (№ 1)», пришел к выводу о незаконности соответствующей части постановления об иммиграции 1971 года на том основании, что право издавать зако-

ны для «мира, порядка и должного управления» на данной территории хоть и может трактоваться широко, но не включает в себя полномочия изгонять людей с их родины²¹. Как сформулировали лорды-судьи, жителями островов «нуждаются в управлении, а не в переселении»²². (Апелляционный суд впоследствии постановил, что это незаконное поведение не влечет за собой ответственности за ущерб, и утвердил комплекс мер по урегулированию, согласованный представителями Великобритании и Чагоса в 1982 году²³.) Правительство ответило на первое судебное решение, опубликовав заявление для прессы, гласящее, что правительство не будет оспаривать это решение и впредь позволит жителям вернуться на внешние острова архипелага, но не на Диего-Гарсию. (Это было достигнуто путем принятия в 2000 году нового постановления об иммиграции.) Техничко-экономическое обоснование, которое уже было подготовлено для изучения возможности переселения, было окончено в 2002 году, и в нем резюмировалось, что в то время как переселение может быть осуществимым в краткосрочной перспективе при значительных финансовых вложениях со стороны правительства Великобритании, глобальное потепление делает архипелаг необитаемым в более долгосрочной перспективе.

В свете данных выводов правительство приняло решение не поддерживать переселение. Правительство США также сообщило о своей обеспокоенности тем, что новое заселение островов Чагос может скомпрометировать называемую уникальной безопасностью Диего-Гарсии. Указ о БТИО был отменен, и в июне 2004 года был принят новый указ о Конституции. В то же время был принят еще один правительственный декрет (указ об иммиграции). Эти положения восстановили полный иммиграционный контроль, но на этот раз, чтобы «законодательно обосновать» решение, принятое по делу «Бэнкоулт (№ 1)», посредством ис-

²¹R (Bancoult) v Sec'y of State for Foreign & Commonwealth Affairs, (2001) Q.B. 1067. Анализ этого дела см.: Stephanie Palmer, They Made a Dessert and Called it Peace: Banishment and the Royal Prerogative // Cambridge Law Journal. 2001. Vol. 60. P. 234.

²²R (Bancoult), (2001) QB 1067, [57].

²³Chagos Islanders v. Attorney General, (2004) EWCA Civ 997.

пользования первичного, а не вторичного прерогативного законодательства²⁴. Истцы по делу «Бэнкоулт (№ 2)» оспаривали законность новых процедур, в частности раздел 9 указа о Конституции, в котором предусматривалось: а) что никто не имеет права проживать в БТИО; б) никто не имеет права на въезд в БТИО без разрешения. Это оспаривание прошло успешно как в Высоком суде, так и в Апелляционном суде, причем последний постановил, что данные указы равносильны злоупотреблению властью, поскольку указы лишили жителей островов права вернуться на родину по причинам, не связанным с их интересами²⁵. Правительство подало апелляцию в Палату лордов.

3. Дело «Бэнкоулт (№ 2)» в Палате лордов

Палате лордов предстояло решить два вопроса. Первым был общий вопрос о пересмотре прерогативного законодательства. Вспомним, что в деле о Центре правительственной связи было решено, что исполнительные меры, принятые в соответствии с прерогативой, подчиняются обычным принципам пересмотра. Был оставлен открытым вопрос, относится ли это и к самой прерогативе. Судьи сошлись на том, что хотя прерогативные правительственные декреты являются одним из видов первичного законодательства, из этого не следует, что они разделяют все характеристики актов парламента (которые не подчиняются обычным принципам судебного пересмотра)²⁶. По их словам, уникальные права, которыми пользуется акт парламента, вытекают из его представительного характера. Осуществление прерогативы лишено такого качества —

²⁴Для дальнейшего комментария см.: Stephen Allen, *International Law and the Resettlement of the (Outer) Chagos Islands* // *Human Rights Law Review*. 2008. Vol. 8. P. 683.

²⁵*R (Bancoult) v. Sec'y of State for Foreign & Commonwealth Affairs (No. 2)*, (2007) EWCA Civ. 498. Анализ этого дела см.: Richard Moules, *Judicial Review of Prerogative Orders in Council: Recognising the Constitutional Reality of Executive Legislation* // *Cambridge Law Journal*. 2008. Vol. 67. P. 12.

²⁶См., напр.: *British Railways Board v. Pickin*, (1974) A.C. 765. Акт парламента может быть «отменен», если он противоречит законодательству ЕС. См.: *R v. Sec'y of State for Transport (No. 2)*, (1991) 1 A.C. 603. В соответствии с разд. 4 Акта о правах человека 1998 г., суды могут издавать декларацию о несовместимости в отношении положений акта парламента, несовместимых с Европейской конвенцией о правах человека. Такая декларация не влияет на действие или постоянную эффективность рассматриваемого положения (положений). См., напр.: *A v. Sec'y of State for the Home Dep't*, (2004) UKHL 56.

хотя оно и законодательно по своей сути, но все же это осуществление исполнительной власти в одиночку. Таким образом, суд «не видит причин, по которым прерогативное законодательство не должно подвергаться пересмотру на обычных принципах законности, рациональности и процедурной неприкосновенности таким же образом, как и любое другое исполнительное действие»²⁷.

Второй вопрос касался законности этого конкретного осуществления прерогативных законодательных полномочий. Мнения судей по этому вопросу разделились (три к двум), большинство пришло к выводу, что указы 2004 года не были незаконными. Большинство посчитало, что фраза «мир, порядок и должное управление» должна пониматься как относящаяся к управлению всеми землями короны, а не только к тем, кто проживает (или раньше проживал) в БТИО. Эти слова всегда полагались «подходящими для того, чтобы предоставлять широкие законодательные полномочия»²⁸. Также было вынесено решение, что осуществление этих полномочий по существу должно рассматриваться правительством и парламентом, а не судом. Эта позиция была выражена по-разному. Лорд Хоффманн заявил, что этот вопрос находится в «макрополитическом поле», и, таким образом, «в частности в компетенции исполнительной власти»²⁹. Лорд Роджер заявил, что речь идет о «политическом, а не судебном» вопросе³⁰. Лорд Карсуэлл говорил о «правиле воздержания», однако назвал «отвратительным» то, что суд может рассматривать положения, о которых идет речь в деле: суду следует избегать вмешательства, поскольку оспаривание фактически связано с «тем, что по своей сути является политическим суждением»³¹. Лорды Карсуэлл и Роджер также посчитали, что Акт о действительности колониальных законов 1865 года предотвращает судебный контроль на том основании, что в 1865 году парламент просто не мог и предположить, что может быть издан прави-

²⁷R (Bancoult) (No. 2), (2008) UKHL 61, [35] (L. Hoffmann).

²⁸Там же, [50].

²⁹Там же, [58].

³⁰Там же, [109].

³¹Там же, [130].

тельственный декрет, защищающий интересы колонии в английском суде на принципах судебного надзора³². Большинство также посчитало, что у чагосцев не было оправданных ожиданий, вытекающих из заявления для прессы после дела «Бэнкоулт (№ 1)», которое давало им право на переселение.

Лорды Бингем и Манс, хотя и не сходились во мнениях, утверждали, что английские суды обладают неотъемлемыми полномочиями ограничивать сферу прерогативной власти в отношении управления колониями³³. Они полагали, что нет такой прерогативой власти, которая могла бы изгонять население: «Взаимные обязанности лояльности и защиты... обычно не могут быть выполнены путем изгнания гражданина с его родины и отказе ему в ней»³⁴. Право на проживание является основополагающим «и, в неформальном смысле, в котором этот термин непременно используется в контексте Соединенного Королевства, конституционным» правом, признанным таковым со времен Великой хартии вольностей³⁵. Невозможно допустить разграничение между британскими гражданами и лицами, чьи дома находятся на территориях бывших колоний. Кроме того, понятие «мир, порядок и должное управление» означает власть, «направленную на обеспечение надлежащего управления территорией — по крайней мере среди прочего — во благо населяющих ее людей. Конституция, изгоняющая жителей со своей территории, противоречит сама себе»³⁶. Поступок правительства, по словам лорда Манса, обрушившегося с критикой,

рассматривает БТИО и прерогативные полномочия издавать конституционные или иные относящиеся к БТИО законы так, как будто речь идет не более чем о голой земле, как если бы люди, населяющие БТИО, были всего лишь незначительным неудобством (фраза, которая отражает дух некоторых внутренних меморандумов правительства в 1960-х годах), подлежащих произвольному лишению свободы по любой причине, кото-

³²Позиция, в значительной степени опиравшаяся на работу John Finnis, *Common Law Constraints: Whose Common Good Counts?* // University of Oxford Law Faculty Legal Studies Research Paper Series. Working Paper No. 10/2008. March 2008).

³³См.: *Campbell v Hall*, (1774) 1 Cowp. 204.

³⁴R (*Bancoult*) (No. 2), (2008) UKHL 61, [70] (L. Bingham).

³⁵В разделе 29 этого документа предусматривается, что «ни один свободный гражданин не должен быть... изгнан... за исключением законного решения пэров или согласно закону страны».

³⁶R (*Bancoult*) (No. 2), (2008) UKHL 61, [157] (L. Mance).

рая может показаться исполнительной власти соответствующей интересам Соединенного Королевства³⁷.

4. Прерогатива: *arcana imperii*?

Конечно, лорд Манс прав. Мало кто отрицал бы склонность лорда Роджера характеризовать отношение Великобритании к чагосийцам в начале 1970-х годов как «позорное». В этом отношении можно отметить отказ министерства иностранных дел — во внутренних меморандумах, упомянутых лордом Мансом в только что цитируемом отрывке — признать существование коренного населения на архипелаге Чагос. Здесь имеет место впечатляющая параллель с понятием *ofterra nullius*, согласно которому права и интересы коренных народов игнорируются и, таким образом, отрицаются в колониальном прошлом³⁸. Лорд Хоффманн упомянул «законную видимость», разработанную, по крайней мере отчасти, для того, чтобы избежать возможных юридических обязательств, вытекающих из Устава ООН, перед жителями самоуправляющейся территории³⁹. Эта сторона дела стала частью более широкого аспекта «нас против них» (или «мы, народ, против них, других»), который в значительной степени был предметом дискуссий, хотя и был упомянут лишь судьями, составившими меньшинство.

Помимо того, что лорды-судьи осудили изгнание чагосцев — «первородный грех» правительства Великобритании, — они также признали, что в данном случае право на проживание будет неосуществимо на практике. Тем не менее имелись разногласия относительно того, что влечет за собой эта ситуация. В ходе громкого судебного разбирательства лорд Хоффманн раскритиковал чагосцев за то, что они возбудили дело. По его словам, это действие было попыткой провести политическую кампанию иными средствами — «еще одним шагом в рамках кампании по обеспечению финансируемого переселения». «Сугубо символический»

³⁷R (Bancoult) (No. 2), (2008) UKHL 61, [157].

³⁸См., напр.: Henry Reynolds, *The Law of the Land* (Penguin, 1987).

³⁹См. также Stephen Allen, *Looking Beyond the Bancoult Cases: International Law and the Prospect of Resettling the Chagos Islands* // *Human Rights Law Review*. 2007. Vol. 7. P. 441.

характер судебного процесса, таким образом, подкреплял его убеждение, что это дело лежало в плоскости политики, а не юриспруденции. Большинство судей, напротив, посчитало, что невозможность осуществления права дает все основания его отстаивать, поскольку решение в пользу жителей островов почти не имело бы прямых или финансовых последствий. «Нет никаких сомнений, что это право имело неосязаемую ценность, и чем меньше его практическая ценность, тем меньше оснований отнимать его»⁴⁰.

Решение Палаты лордов было встречено с ужасом большинством обозревателей⁴¹. Несложно понять почему. С чагосцами обошлись очень дурно, вынудив их покинуть свои дома; и резкий поворот правительства после дела «Бэнкоулт (№ 1)» только усугубил ситуацию. Но несмотря на все это, дело не было юридически однозначным. Один усложняющий фактор заключается в том, что вопрос, который конкретно обсуждался в ходе дела — речь о деле «Бэнкоулт (№ 1)», — это не изначальный акт переселения, а сдвиг в политике 2004 года. Можно считать эти два решения просто двумя точками на континууме суровых актов, охватывающих четыре десятилетия. Или же можно подойти к этим двум решениям по отдельности, но необходимо понимать, что более ранний акт («первородный грех») неизбежно влияет на более поздний. Именно так большинство членов Палаты лордов подошли к делу, и не сразу становится очевидно, что они ошибались. В этом контексте признать решение 2004 года ошибочным становится несколько труднее, хотя и не невозможно, так как правительство в принципе должно иметь право менять свое решение, даже (а может быть, и в особенности) решения такого масштаба. (Этот момент непосредственно относится к выводу меньшинства судей о том, что у жителей островов есть законное ожидание репатриации — результат, который потряс бы специалистов по административному праву во всем мире общего права.)

⁴⁰R (Bancoult) (No. 2), (2008) UKHL 61, [82] (L. Bingham). См. также: там же, [138] (L. Mance).

⁴¹См., напр.: Mark Elliott & Amanda Perreau-Saussine, *Pyrrhic Public Law: Bancoult and the Sources, Status and Content of Common Law Limitations on Prerogative Powers* // *Modern Law Review*. 2009. Vol. 72. P. 697.

Толкование «мира, порядка и должного управления», клише имперской эпохи, также становится более сложным, чем полагают некоторые критики решения. Было бы почти невероятно представить, что в колониальном контексте, где эта фраза и должна возыметь действие, она не окажется понятой (по крайней мере, в критической ситуации) как относящейся к общему благу Соединенного Королевства и всех его зависимых территорий в целом⁴². Это первоначальное значение понятия не обязательно должно стать решающим в деле. Тем не менее оно показывает, что основное различие между мнением большинства и меньшинства судей заключается в их отношении к истории — или, вернее, к различным поворотам исторического значения, рассматриваемого в деле, затрагивающем общее право, имперское законотворчество и прерогативу. Действительно, споры насчет истории — это, пожалуй, самая интригующая особенность дела. Большинство склонно принимать историю в некотором роде за чистую монету. Независимо от того, нравится ли нам, как наши предшественники вели свои дела, или нет, обязанность судьи состоит в том, чтобы применять закон в его нынешнем виде. Это обязанность, которая включает в себя соблюдение правовых механизмов, направленных на структурирование систем, которые больше не имеют особого (нормативного) смысла. Суждения меньшинства отражают другое восприятие, которое характеризуется явным отвращением к имперским взглядам (и соответствующим нормативным предпосылкам), в соответствии с которыми было принято первоначальное решение о выселении чагосцев. Там, где мы теперь видим безнравственность рассматриваемой исторической практики, намекают эти судьи, или где старые принципы больше не соответствуют современным конституционным и моральным стандартам, почему мы должны следовать им? Конечно, задача суда заключается в том, чтобы переработать такие вещи, как неоимперские тексты и устаревшие юридические отношения к прерогативе, чтобы устранить очевидные проявления несправедливости и оправдать современную концепцию

⁴²См.: Finnis, *supra* note 31.

верховенства закона⁴³.

Политика безопасности, повторяющийся троп в рамках современного публичного права, — это еще один аспект, усложняющий дело, который имеет явный оттенок эпохи после событий 11 сентября. Правительство защищало свою новую политику в частности путем развертывания аргументов, касающихся соображений национальной безопасности и борьбы с терроризмом. В заявлении парламенту о смене политики ответственный за это министр заявил, что «развитие ситуации в области международной безопасности», произошедшее со времен дела «Бэнкоулт (№ 1)», было основополагающим в пересмотре правительством этой ситуации⁴⁴. Решения суда также показывают, что смена отношения власти к репатриации хоть немного, но обязана проблемам безопасности США. Хотя и удаленный, остров Диего-Гарсия не находится на периферии мира безопасности после 11 сентября. Постоянно циркулируют слухи, например, о его использовании для полетов «чрезвычайной выдачи». Эти слухи были упомянуты только одним судьей — лорд Хоффманн сослался на утверждения, что «Диего-Гарсия или судно в водах вокруг него использовались как тюрьма, в которой подозреваемых подвергали пыткам»⁴⁵, — но в целом эти слухи были известны суду. Эти утверждения опровергаются властями США. Однако они не так уж неправдоподобны; и там, где царит тайна, мы, естественно, склонны подозревать наличие чего-то сомнительного.

Дело «Бэнкоулт (№ 2)» стоит на точке слияния двух историй сомнительных государственных секретов или полусекретов, один из которых относится к нечестным поступкам недавнего постимперского прошлого, а другой — к современным событиям, связанным с войной с терроризмом (или как мы бы ее теперь ни называли). Присутствие здесь королевской прерогативы на удивление уместно, так как она свя-

⁴³См. обсуждение этой перспективы в контексте прав коренных народов: P.G. McHugh, *A History of the Modern Jurisprudence of Aboriginal Rights — Some Observations on the Journey So Far // A Simple Common Lawyer: Essays in Honour of Michael Taggart* / D. Dyzenhaus, M. Hunt & G. Huscroft, eds. Hart, 2009.

⁴⁴R (Bancoult) (No. 2), (2008) UKHL 61, [27].

⁴⁵Там же, [35].

зана с конституционной исключительностью⁴⁶, тайнами государства и маскировкой исполнительной власти. Прерогатива веками пребывала, по словам Блэкстоуна, «среди *arcane imperii* [государственных секретов], и, подобно тайнам *bona dea* [доброй богини — богини плодородия, которой поклонялись весталки], их никто не ведал, кроме тех, кто был посвящен служению им»⁴⁷. Таким образом, «Бэнкоулт» — ярчайший пример дела, зависящего от так называемого определяющего порога закона или «концепции пределов»⁴⁸. Как и в более распространенных в последние годы делах о терроризме, Палата лордов предприняла два шага, которые быстро становятся привычными. Первый шаг — отказ в существовании «правовой черной дыры». Иначе говоря, утверждение общепризнанных правовых принципов над прерогативным законотворчеством. Второй шаг — согласование интересов государственной безопасности и дипломатических интересов⁴⁹, что приводит к двусмысленности и неопределенности в применении этих стандартных принципов⁵⁰. Вторым шагом был предпринят и в рамках данного дела, несмотря на скептицизм (как среди большинства, так и среди меньшинства судей) в отношении достоверности заявлений о безопасности со стороны правительства; даже несмотря на то что рассматривалось, возможно, «глубокое» право с необычайно длинной историей в рамках общего права и даже несмотря на то что все согласились с тем, что в этом деле мало практического значения. В контексте, который мы обсуждаем, это было, другими словами, относительно легкое дело.

Мы можем выбросить из головы дело «Бэнкоулт (№ 2)» как некую диковинку. Дело, в котором суд, работающий в рамках нетипичной кон-

⁴⁶См. также: Adam Tomkins, *Magna Carta, Crown and Colonies*. Public Law. 2001. P. 571.

⁴⁷Blackstone, *supra* note 2.

⁴⁸О понятии «концепции пределов» см.: Giorgio Agamben, *State of Exception* / Kevin Attell trans. University Chicago Press, 2005.

⁴⁹См., напр.: *R (Abbasi) v. Sec'y of State for Foreign & Commonwealth Affairs*, (2002) EWCA Civ 1598.

⁵⁰В этом случае ситуация немного сложнее. Правовые принципы, касающиеся судебного контроля над прерогативой, находятся в процессе пересмотра. Но линия движения этого процесса состоит в том, чтобы привести эти принципы в соответствие с обычными принципами, регулирующими рассмотрение других не предусмотренных законом юридических полномочий.

ституции, обращался к нетипичным вопросам, связанным с анахроническим исполнением закона в удаленном месте. Или же мы можем посчитать это дело — к чему склоняются большинство британских комментаторов — простой ошибкой. Дело было несложным, и Палата лордов поняла его неправильно. Или же мы можем рассматривать это как странный случай внутри более общей тенденции. В такой трактовке тот факт, что лордам-судьям не удалось наложить реальные юридические ограничения на осуществление исполнительной власти, вызывает особую тревогу. Повторимся, суды, похоже, не расположены или неспособны успешно справиться со спорами, связанными с тем, что раньше называлось государственным актом⁵¹. Складывающаяся картина вызывает размышления о перспективах принципа господства права⁵². Означает ли это, что в отсутствие четкой информации, характерной для большинства дел, связанных с безопасностью, принцип господства права в «современном» ценностном смысле является недостижимым идеалом? Мы можем поаплодировать такому судье, как лорд Бингем в деле «Бэнкоулт», который готов встретить критику от источников из числа сотрудников разведки. Мы скорбим о капитуляции суда в целом, но, возможно, есть молчаливое признание под всем этим поверхностным «бурей и натиском», что, независимо от того, как мы это назовем, мы не готовы отказаться от сущности прерогативной власти — «исключительной и эксцентричной» власти, окутывающей таинства государства, которые лишь отчасти поддаются нормам законности.

⁵¹См., напр.: William Harrison Moore, *Act of State in English Law*. John Murray, 1906.

⁵²См., напр.: David Dyzenhaus, *The Compulsion of Legality // Emergencies and the Limits of Legality* / Victor V. Ramraj, ed. Cambridge University Press, 2008. P. 33.